

Иван ОБРАЗЦОВ

ТВАРЬ

М а л ы й   р о м а н

Глава 1

*Ты всех милуешь, потому что всё можешь,
и покрываешь грехи людей ради покаяния*
Прем. 11:24

Когда в центральной части Российской империи всё гроыхало началом нового века, в провинциях слышались только глухие угрожающие отголоски. Но слушались ли они кем? — тогда об этом никто сильно не задумывался.

Помню, как, открыв однажды утром очередной выпуск «Сибирской жизни», я прочитал первое попавшееся мне сообщение, что и запомнилось надолго, но без всякой осмысленной надобности. Это был обрывок из узкого столбика военных новостей, опубликовавшихся регулярно и выдаваемых одним сплошным предложением:

«Русский Инвалид» сообщает: «По всеподданнейшему докладу начальником штаба главнокомандующему о подвиге и мученической кончине крестьянина деревни Бабаловки Дубенского уезда Волынской губернии Стефана Веремчука, помогшего группе наших разведчиков и геройски спасшего их от австрийцев, перевезя по одному на своём челноке с занятого врагами берега Иквы на наш берег, и, несмотря на уговоры, вернувшегося в свою деревню, где его австрийцы мучительно истязали и замучили насмерть, Его Величество всемилостивейше повелеть соизволил: назначить пенсию матери и вдове покойного Веремчука — первой в размере 120 рублей в год, второй — 250 рублей, малолетних сыновей его Макария, Леонтия и Фёдора определить по достижении ими соответствующего возраста на казённый счёт в одно из учебных заведений, по усмотрению матери, со специальным сельскохозяйственным образованием, разрешить открыть повсеместную подписку-сбор на постановку памятника-часовни на могиле мученика, предписать настоятелям всех мирских и монастырских церквей путём проповедей и бесед объяснить прихожанам глубокий смысл и значение праведной жизни и высокого подвига Стефана Веремчука и, ввиду чистой и глубоко-религиозной жизни Веремчука, описание его жизни и подвига, составленного по показаниям семьи покойного, его односельчан и чинов 76 пехотного кубанского полка, бывших очевидцами геройского подвига и мученической кончины Веремчука, издать для широкого распространения как среди всех частей и команд русской армии, так и повсеместно среди мирного населения империи. Высочайшее повеление. Петроград, 18 декабря 1915 года».

Страшно даже представить, что крылось за словами «мучительно истязали и замучили насмерть». Хотя страшным здесь оставалось лишь мгновенное впечатление, что влекло не душу, а ум, и пугало литературными картинками, но не более того. На самом деле, долгое время мне приходилось пугаться того, чего боится большинство моих сограждан — неожиданных поворотов судьбы. Такие повороты всегда сулили неприятности, но разве мог я подумать, что повседневные неприятности обернутся настоящим переворотом всей моей жизни? Конечно же нет.

Тем более связывать происходившие обычно где-то и с кем-то другим страшные вещи со своей собственной повседневностью никогда не было принято в нашем обществе. По крайней мере, в том обществе, что я называю «нашим», никакие далёкие ужасы не могли перекрыть бытовых человеческих опасений, мелких страхов и забот о хлебе насущном.

Как обычный человек я боялся неожиданностей только в качестве повседневного зла, не рассчитывая на их долгосрочные последствия. В конце концов, из неожиданных гадостей от ближних и состоит часто вся острота жизни, так разве не следует этих самых «ближних» и опасаться острее всего?

Приведу пример. Нас, если разобраться, вполне обоснованно пугают неожиданные приглашения в гости, исходящие от случайно встреченного знакомого, с которым не виделся с самой юности. Они заставляют нас испытывать дискомфорт. Особенно если эти приглашения происходят от людей, с которыми мы были когда-то давно знакомы и даже участвовали в каком-то общем деле, но не виделись уже «сто лет». Прошли годы, а в голове за это время созрели фантомы. Фантомы из наших представлений о тех нас — прошлых. И вот приходится оказаться в ситуации, когда эти фантомы могут столкнуться с реальностью.

А вы все изменились, верно ведь? Вы уже не те молодые и неосмотрительные люди, вы — уважаемые и заслуженные граждане приличного общества. Но вдруг кто-то вспомнит от тех прошлых ситуаций нечто, что неприятно и даже нелепо оказывается вспомнить сейчас? И мы уже боимся такого приглашения в гости, мы уже раздражаемся, что не смогли отказаться — мы боимся и раздражаемся возможной непредсказуемости предстоящей беседы.

Но на самом деле вся эта непредсказуемость лишь показывает нашу слепоту, ибо каждый день совершенно неизвестен, каждый день таит в себе большое количество таких непредсказуемостей, но мы просто разучились это понимать. Мы ослеплены повседневностью.

Годы. Они беспощадно потрачены на то, чтобы обрести эту размеренную слепоту. Но на самом деле каждое неожиданное столкновение со старыми знакомыми и приглашение в гости ничем не отличается от любой другой неожиданности каждого нового дня.

Даже больше, мы скорее должны пугаться нового дня, в котором всё может произойти. А приглашение в гости как раз должно нас успокоить, дать маленькую иллюзию, что вот в этом всё как раз понятно. Да, таково одно из мелких наблюдений о жизни, ну, или о том, что мы называем словами «наша жизнь».

Как вы, возможно, уже догадались, а возможно, наоборот, даже и не подумали о том, но я был служителем культа, а подобные красноречивые рассуждения являлись частью моего необходимого духовного образования с неизбежными элементами мирского свободомыслия и философствования по поводу бытования в уме мирского здравого смысла.

Философичность ума я действительно приобрёл на третий год обучения в духовной академии, а вот свободомыслие было моим собственным достижением, полученным в ходе совершения побега из классической гимназии. Тогда я, помнится, страстно желал отыскать древние курганы каких-нибудь ханов или племенных вождей и выкопать оттуда сундуки с золотом. Деньги не являлись целью, они были всего лишь необходимы для покупки корабля и подготовки моего кругосветного путешествия.

Конечно же, меня поймали уже к вечеру, но то чувство свободы так и осталось первым настоящим опытом серьёзного решения человека, освободившегося от пут навязанного ему распорядка дня.

Сейчас, когда в приближении Пасхальной весны 1953 года от Рождества Христова объявили о смерти великого вождя и отца народов Иосифа Виссарионовича Сталина, события молодости кажутся мне далёкой легендой, но записать их я решил по другой причине. Одна история того легендарного времени потрясла меня до глубины души или того, что там сегодня можно назвать сущностью человеческого существа. Конечно, сии записки не поведают о великих свершениях или катастрофических ощущениях моих современников, но что-то в этом есть высокое — записать историю одного бытового, прямо-таки обыденного убийства. Вот я и записываю.

Все мы, в конечном счёте, полны разных убийств, и нет никакого прока читать здесь морализаторские проповеди. Но некоторые мелкие на первый взгляд дела часто приводят к совсем не мелким последствиям — вот о таких последствиях я и расскажу ниже.

Будет ли читатель у моих записок? Бог весть. Но если таковой найдётся, то сразу оговорюсь, что ничего антигосударственного или богоборческого мне на ум не приходит, я лишь рассказываю то, чему сам являлся свидетелем, не более того. Провинциальный город Барнаул совсем не центр мира, но тогда, в те дни, он стал центром событий самого пренеприятного характера. А аукнулись эти события самым непосредственным образом в моей личной судьбе.

По большому счёту, всё, что мне сейчас кажется важным, это найти оправдание тому несчастному, что послужил катализатором общественного брожения, ибо такая роль священника — найти человеку оправдание, даже если на то нет никаких че-

ловеческих оснований. И хотя я давно не священник и даже не тайный монах, но то ли привычка, то ли воспитание побуждают к состраданию и всем тем человеческим чувствам, что живут в нас даже в самые тёмные времена, а проявляются в простых и неприметных действиях.

Мои записки — это одновременно и исповедь, и подаяние нищему, только кто здесь нищий — совершенно неважно, ведь нищета, как известно, понятие относительное. Впрочем, так же как и богатство. А исповедь, она и в Советском государстве исповедь, здесь добавить нечего.

Глава 2

*«Что тут ни есть, боюсь Данаев я и гары поносящих...»
Вергилий, «Энеида»*

В тот день ко мне на исповедь пришла постоянная прихожанка, женщина тридцати пяти лет — вдова пивного промышленника Перкея Федотовна Капустина. По тем временам женщину такого возраста уже могли назвать старой, не то что сейчас. Беспокоило эту моложавую «старуху» многое из того, что постоянно выслушивают священники от большинства прихожан, а потому не столько исповедалась она, сколько жаловалась на свои страхи и пугающие ум фантазии.

Конечно, пришлось терпеливо выслушать весь этот набор человеческих банальностей. Жалующейся, в общем-то, только на свой одиночество и возраст женщине, кажется, даже полегчало. Да, дело обычно никак не относилось к исповеданию грехов, а всего-то происходило из невозможности смириться со своими годами, что для женщин в середине четвёртого десятка как раз самая частая причина всех жалоб.

Впрочем, так было всегда и в последние пару лет — тех и тогда лет — у меня только сократился список прихожан и их исповедальных страхов. Разумеется, причина была не в умножении благочестия, а в широком распространении психических и спиритических кабинетов, куда на приём ходили с теми же проблемами, с которыми раньше приходилось возиться священнику.

Но эта женщина уже привыкла получать сеансы терапии в церкви, да и жертвовала она довольно заметные суммы на приходские дела. Муж оставил ей не только хорошие сбережения и пивной заводик, но и доход от вложений в перспективное пароходное дело. В общем, такие богатые вдовы оставались одними из главных пополнителей церковной кассы. Потому после исповеди полагалось выйти и проводить её до церковной ограды, развлекая глубокомысленными рассуждениями и приятно улыбаясь.

— Радость нового дня — вот что человек забывает. Порой всю жизнь так и приходится мучиться, когда забываются человеком обычные радости. А столкнувшись с чем-то близким, — я скорбно вздохнул, — человек только пугается и раздражается на неприятные переживания в самом себе. А думает-то, что причина — в людях, которые к этому кажутся причастными — во всех и во всём вокруг.

Вдова степенно двигалась рядом и думала о чём-то своём. Мне полагалось «не замечать» её отстранённости, и потому я продолжал рассуждать ровным, успокаивающим слух голосом:

— Всё наше прожигание дня за днём часто и состоит из слепоты, выдаваемой за ясность рассудка. Так человек становится всё дальше от Бога. Так человек теряет пространство для созидания, ибо только там, где всё новое каждое утро, только там есть пространство творить, быть подобным Творцу. Только в этом постоянном чувстве нового и непредсказуемого и таится тайна жизни, тайна её, жизни этой, радости. Человек же предпочитает истинной радости — дневной распорядок, так и живя со своими фантазмами стабильности бытия. А фантазмы, что они по сути-то? Страх один бесполозный и расстройство нервное.

— Батюшка, вы так хорошо это сейчас сказали, что даже и не передать, — неожиданно включилась в разговор моя спутница. — А я ведь всё боюсь разного, всё переживаю. Времена-то вон какие пошли, разговоры самые безбожные в салонах позволяют. Да и вот, генеральша эта, приехала вот. Она же пригласила к себе на чай, а я и отказать не могу, и ходить неприятно. Боюсь, как бы чего такого она не вспомнила от нашей молодости, когда она ещё со мной гуляла здесь, — вдова показала за церковную ограду, как бы обобщая. — Здесь вот, в садах городских гуляли. Мы же там разные могли говорить, а сейчас даже и неприлично вспомнить, — женщина хитро, хоть и с опаской глянула в сторону и принуждённо улыбнулась.

— Так чего же вам, дочь моя, бояться? День встречи будет таким же полным непредсказуемостей, как и день завтрашний. Мы можем только сами наполнять день чем-то значимым, потому просто поговорите, а если что-то и вспомнится, то разве будут приличные люди о том бездумно рассуждать сейчас? Не забывайте, что за эти годы

изменились не только вы, но и те люди, с которыми предстоит встреча. И они, возможно, так же сейчас думают о ваших прошлых встречах и стараются вспомнить то, о чём прилично и хорошо вспомнить вслух. Вот и вы что-то такое вспомните и держите в голове про запас, чтобы тоже оказаться приятным собеседником. Так встреча ваша пройдёт самым что ни на есть приличным образом.

— Ох, ну спасибо, батюшка, утешили вы меня.

— Дай Бог, дочь моя, дай Бог.

— Благословите, пойду сейчас, до пароходства надо заехать, — она сложила перед собой ладошки и подставила голову под благословение.

— Благослови вас Господь, Перкея Федотовна, и спаси вас Господи за ваши дела милосердные на благо храма Божьего, — осенил её крестом и дал поцеловать руку.

— Может, вот оградку подновить надо, а то, смотрю, она совсем что-то давно не крашена?

— Да, дело богоугодное. Нам бы, матушка, ещё и в трапезную кое-чего подкупить было бы очень кстати. Как вам? Может, помилосердствуете о наших заботах?

— Батюшка, Господь с вами, мне ли не помилосердствовать, — Перкея Федотовна вновь хитро улыбнулась. — Ну, так завтра и порешим дело-то, чего откладывать, вы только и за меня, батюшка, помолитесь, чтобы, — вдова повела перед своей пышной грудью пальчиками в перчатке, — чтобы и мои дела-то тоже благословением и молитвами вашими не оставлены были.

— Пренебреженно, матушка, пренебреженно помолюсь.

Вспомнить бы мне тогда, что женский ум даже на исповеди работает в распорядке строгого умолчания, может, и по-другому сложилась бы вся последующая история. С другой стороны, ну вот вспомнил бы, и что? Разве можно остановить было страсти, что кипели в теле зрелой дамы, разве была у меня такая власть?

Наверно, многие думают, что священник может сильно повлиять на человеческие решения, но скажу вам откровенно, что некоторые вещи подвластны только никому неизвестным путям промысла Божиего, и это часто совсем не совпадает с замыслами и делами человеческими. Таких страстных замыслов в жизни вдовы оказалось достаточно, чтобы даже на исповеди ничего не выболтать. А уж какими страстями кипит душа людская, так и промысла никакого не хватит, чтобы покрыть дела наши земные.

Глава 3

*«Подлинно блажен и троекратно блажен тот, в ком есть терпение...»
Ефрем Сирийский, «О терпении»*

Неведение — вот наш главный мучитель. Тебя, мой неизвестный читатель, я мучить не стану и расскажу всё как есть. Точнее, мучение твоё продлится недолго — ровно до окончания чтения этих записок. Ибо трагическое действие и его развязка и есть основная история, но о том дальше, а пока необходимо сказать ещё об одном пазле из той череды роковых и печальных событий.

Кстати говоря, я застал ещё времена, когда специальные картины-головоломки называли на немецко-французский манер «пузелями». Но мне как-то неприятно резало слух от такого заимствования, потому могу предположить, что называть эту игру «пазлами» я начал одним из первых среди русских образованных людей. Благозвучие является важной константой в духовно-академическом обучении, и возможно, этот мой языковой подвиг является лишь следствием учёбы. Сейчас важнее то, что следующий пазл стал в моей жизни прямо-таки пророческим.

Однажды я поехал по служебной надобности в небольшой местный монастырь. Там жил известный у нас монах. Говорили, что он обладал провидческим даром. Думаю, что весь его дар заключался в элементарном знании человеческих пороков, вот и сбывались монашеские слова естественным образом как неизбежное следствие суетной и греховной людской жизни.

Он тогда мне сказал вещи очевидные, даже обидные на тот момент, но сейчас-то я понимаю, что это было простым и тривиальным выводом из жизненного опыта. Но мы бежим от тривиальных слов, как от чумы, думая часто, что это всё и так известно, а значит, и не стоит нашего внимания. Что ж, сейчас могу сказать со всей ответственностью, что только эти тривиальности и провинциализмы мысли и составляют часто истину в последней инстанции. По крайней мере, истину земную, человеческую.

Монах грелся на солнышке и, казалось, дремал без дела. Когда же я присел рядом передохнуть перед возвращением в город, он вдруг поднял на меня строгие глаза и твёрдо проговорил: «Бойтесь жён, дары соблазна приносящих, как бы священство ваше грухой и украшенным гробом не стало. Ты на свои-то дела лучше под уменьшительным стеклом смотри, а на чужие успехи не заглядывайся, так, глядишь, и стяжа-

еще чего себе, поболее важности-то пустой стяжаешь. А так иноче от гордыни и в грехах запутаешься, что и света божеского не видно станет, а уж священство, так то — и совсем в осуждение зачтётся, а то и потеряется. Себя поучай, а жён этих гони от себя подальше с их разговорами бабскими, что, как вор ночной, только самолюбие твоё тешат и пузырьём тебя важным раздувают. Труп тоже вона каким пузырьём раздувается на жаре, а прока не имеет. Как бы и тебе трупом-то смрадным не обратиться однаждысь. Смотри, смотри», — он погрозил пальцем и опять опустил голову, словно задремал от старой своей усталости.

Спасибо тебе, старый монах, даже с большим опозданием, но спасибо. Мне твои слова стали понятны потом, но от их понимания сейчас нисколько не легче, хотя и немного спокойнее на душе. Священство своё я действительно потерял, а важности, как оказалось, не имел и вовсе. Спасибо тебе, отец, за наставление. Туда, откуда ты сейчас смотришь на меня, туда говорю свои слова благодарности. И, может быть, только эти слова и останутся моей последней надеждой на то, что там, на небесах, что-то есть на самом деле.

В тот же день я вернулся в Барнаул в раздражении, которое скоро забылось, ведь отчёт я давал с положительным результатом моей монастырской поездки. Дело было самое что ни на есть привычное, а именно очередное «утрясение» вопроса о строительстве новых церквей. Такое распоряжение приходило в духовное правление регулярно, но в связи с военным положением стало «утрясаться» наоборот. Теперь задача стояла в сохранении за церковью хотя бы тех зданий, что имелись в собственности.

Война внесла свои коррективы в наш общецерковный быт: за два года из ведения епархий по всей империи отняли большую часть семинарских и церковно-приходских зданий под нужды военного и медицинского ведомств. Среди епископов зрели самые противоречивые настроения, а императорские указы выполнялись на местах ни шатко, ни валко. Хотя такое отношение к выполнению самых «высоких» указов происходило из самого устройства чиновничьего мира, но были ещё и причины чисто человеческого характера.

Каждый генерал-губернатор сидел на своём месте как далёкий и грозный начальник, а у него, в свою очередь, сидел на местах целый штат разных чинов по всевозможным министерствам и ведомствам. Вот и выходило так, что от самого мелкого чина часто зависело намного больше, чем от грозных выкриков начальства, а потому в первую голову выполнялись дела мелкие и местные, а потом уже то, что оставалось от служебного времени, отводилось на что-то общегосударственное. Как правило, на всё это времени не хватало уже на самой нижней ранговой табели, а потому угоджали прежде всего своему непосредственному начальнику и тому из господ городских голов, кто посещал иногда то или иное ведомство.

Не буду больше вдаваться в подробности, так как сколько ни говори, а всё будет неполно и не то, ведь жизненная повседневность всегда намного замысловатее любой попытки её описания, а уж повседневною чиновничья и подавно. Тем более, что всегда найдутся несогласные и с моим описанием, и с любым другим, так что ограничусь лишь указанием о том, что данное описание являлось моей собственной реальностью на посту настоятеля, священнослужителя и подданного Его Императорского Величества.

Мои обязанности как подданного и служащего здесь важны. Если, мой уважаемый читатель, ты живёшь давно после меня и твоя эпоха уже смотрит на наше время как на что-то легендарное, то необходимо объяснить, почему мои священнические обязанности были ещё и государственными. Наше духовное ведомство тогда являлось одним из ведомств государственной чиновничьей системы Российской империи, и вся та чиновничья жизнь являлась и нашей священнической жизнью.

Отчёты, описи, реестры и ведомости составляли существенную часть работы любого настоятеля, но так как никому не по силам нести это бремя в полной мере, то и настоятели разделяли его со своими иереями и диаконами, а то и с пономарями и чтецами. Вот потому-то и были вовлечены во всю эту отчётно-реестровую жизнь практически все церковнослужители любого более-менее заметного сельского прихода, а уж про городские приходы и говорить нечего.

* * *

В большом доме вдовы пивного промышленника Павла Пафнутиева Капустина Перкеи Федотовны Капустиной, помимо прочих дворовых, проживала и древняя нянька покойного хозяина — Акулина Филимонова. Няньке было уже лет сто, и она когда-то выхаживала и кормила грудью не только младенца Пашеньку — ныне покойного супруга Перкеи Федотовны, но и его покойного батюшку. После безвременной кончины дорогого супруга богатая вдова не стала ничего менять, а только переселила старых слуг в маленький флигелёк, где и печка топилась тёплой, и тишина стояла бла-

годатная.

Из старых слуг оставалась, кроме столетней няньки Акулины, только кухарка Машка, которая, будучи помоложе на десятка три лет, и взялась ходить за старухой. Хотя Перкея Федотовна и имела вначале пожелание избавиться от стариков, отправив их в одну из ближайших деревень, но я посоветовал ей не гневить небо и проявить христианское попечение о немощных женщинах, которые всю жизнь верой и правдой служили семье купцов Капустиных.

Вдова Капустина тогда тайно увлекалась довольно неприятным для церкви учением графа Льва Толстого, а потому стариков оставила, сжалилась и даже прослезилась после исповеди об их тяжёлой полукрепостной судьбе. Правда, уже у храмовой калитки вдруг вспомнила, что старая кухарка «Машка вполне могла бы и помогать немного по хозяйству, раз уж их оставили при доме столоваться».

Непросто держать свой ум в мирном и благочестивом расположении к людям, когда самые крупные жертвования даются трудным терпеливым выслушиванием реплик немолодых и часто взбалмошных вдов. Но в тот день на улице пронзительно белел чистейший крещенский снег, и такая радость томилась в груди, что даже самые низкие человеческие помыслы можно было понять и простить.

Глава 4

*«Сколько различных путей
в многолюдной житейской долине!
Сколько несчастий и бед их
отвсюду кругом облегают!»*
Григорий Богослов, «Жизнь»

Кстати говоря, торговые объявления публиковались в газетах регулярно на самых последних страницах. Будничное наблюдение? Пожалуй, что да. Новости торговли таким образом почитались газетчиками по порядку чтения следующими после военных и гражданских новостных сообщений. Напугавшись сводками далёких сражений, успокоившись гражданскими делами рядом с собой, наполненный такими свежими впечатлениями читатель становился готов к включению в ежедневный экономический оборот.

Среди прочего торговались различного рода литературные сочинения. Часто предлагалось купить книжки почившего в бозе (а по версии церковного начальства — не в бозе) графа Льва Толстого. Интересно то, что эти объявления печатались сплошными и пространными предложениями, как регулярные военные сводки и само пространное наследие отлучённого от церкви графа.

В тот день буквально с утра прочитал в очередном листке «Сибирской жизни» такое предложение о выгодной покупке: «Акционерное Общество Издательства А.А. Каспари предлагает ещё ТРЕТИЙ АБОНЕМЕНТ «РОДИНЫ» 1916г. Помимо 257-й выпуска журнала «Родина» предлагается ещё 82 книги полного собрания сочинений Л.Н. ТОЛСТОГО. В это полное собрание сочинений великого русского писателя и мыслителя, творчество которого поразило весь мир своей гениальностью, входят все БЕЛЕТРИСТИЧЕСКИЕ произведения, как-то: бессмертные «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресение», «Крейцера соната», «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Живой труп», все остальные повести, рассказы, драмы, комедии, произведения для народных изданий, для детей и неоконченные, а также РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ, публицистические и педагогические СОЧИНЕНИЯ, — словом, ВСЁ ТО ИЗ НАПИСАННОГО Л.Н. ТОЛСТЫМ, что могло появиться до сих пор в свет по цензурным и иным условиям...»

Заказчик объявления замечательно выделил крупным шрифтом особо, как ему показалось, значимые места (то ли в литературном наследии графа Толстого, то ли в экономическом интересе публики). При любом стечении обстоятельств «Родину» и литературное наследие графа Толстого можно было выгодно приобрести как вместе, так и по небольшим частям за приемлемую для приличного и образованного человека цену.

Вечером собрались у купца Чванова. Думали раскинуть немного в карты, да заждались соборного протоиерея Аносова.

Протопоп Гавриил Аносов происходил из купечиков мелкого сословия и при каждом случае напоминал самому себе о том, что достиг приличных карьерных высот в духовном ранге. Напоминал, как правило, и всем окружающим. Например, тем, что часто опаздывал, а по приезде заходил в общество с видом озабоченным и печальным. Из его вида все, очевидно, должны были заключить о трудности и важности служения протопопа на ниве заботы о делах духовных.

* * *

Но дальше, дорогой мой читатель, мне придётся изменить угол зрения в своём повествовании и начать говорить как бы со стороны, то есть «от автора». Причин на то несколько, но основные — две.

Во-первых, из соображений приличия я изменил имена всех упоминаемых в моих заметках людей. Хотя уверен, что к настоящему времени все действующие лица давно скончались, но сама подлость и какая-то дешёвизна некоторых деталей и ситуаций понуждает к прикрытию фиговыми листочками псевдонимов всех людей и превращение их таким образом в «персонажей».

Поверь мне, мой неизвестный читатель, что так лучше для дела. Да и мне так легче рассказать правду и только правду. Тем более, что литературных сюжетов в моей истории не так уж и много, а потому хотя бы стиль изложения позволит сделать мои записки немного более (как хорошо придумал один учёный ум) «остраннёнными».

Вторая причина более серьёзна и заключается в источнике некоторых моих сведений. Да, священником я давно уже не был, а нюансы истории узнал от действующих лиц в личной беседе, но что-то подсказывает мне, что эти «личные беседы» уж больно походили на исповеди.

Привычка человеческая оставляет неизбежные следы не только в наших повседневных действиях, но и в нашем отношении к тому или иному лицу определённого статуса. Прямых свидетельств у меня нет, но внутреннее чувство и священнический опыт подсказывают, что люди говорили со мной не как с приятным собеседником и уж тем более не из простого желания поделиться информацией, а скорее действовали, хотя и неумышленно, как прихожане на исповеди. Вот потому, что формально исповедать я уже не мог, но по-человечески разговоры были близки к исповеданию в грехах, мне и пришлось изменить имена, а говорить дальше буду в третьем, а то и совсем в неизвестном лице.

Кто-то из тех «персонажей», что встретятся на страницах сих записей, не сыграет никакой заметной роли для всей истории, но мне и не хочется сочинять романов, а потому упоминаться эпизодические персонажи будут мной по ходу изложения только для фактической точности. Так мы идём по улице и взгляд наш встречает какие-то случайные лица. Лица эти потом больше никогда с нами не взаимодействуют и не видятся буквальным участием в нашей жизни, но тот мгновенный снимок почему-то запоминается без всякой надобности.

Возможно, так мы расцвечиваем повседневность яркими фонариками выхваченных мгновений. Может, эти случайные встречи делают нас немного другими — этого мне доподлинно неизвестно. Только сам факт появления подобных эпизодических вспышек кажется чем-то по-настоящему документальным, вот оттого и буду включать этих появляющихся и исчезающих навсегда людей в своё повествование.

* * *

В тот вечер, то ли по причине задержавшегося протопопа, то ли оттого, что за окном неуютно и одиноко начинал подвывать сквозной пронзительный хиус, разговоры постепенно закрутились вокруг извечных русских бед — глупости и разгильдяйства.

— Знаете, господа, а ведь в столице-то сейчас что-то невероятное происходит, — завёл разговор издалека купец третьей гильдии Кусков.

— Что вы, Прокопий Феоктистович, такое говорите, неужто поборы с торговли отменили, — осанистый и массивный владелец галантереи Пётр Иванович Хрутов густо хохотнул.

— Да бог с вами, Пётр Иванович, этого-то уж точно никогда не отменят, разве что какие социалисты модные в Думу сядут, так и то пока денюжат не распробуют.

— Ну, это дело наживное, всё-таки социалисты не кадеты, — все дружно рассмеялись, и в это время в зальной комнате появился протопоп.

Лицо батюшки Гавриила выражало крайнюю степень озабоченности.

— Господа, покорнейше прошу меня извинить за опоздание, дела-с, знаете ли, прямо закрутили-с. Всё лень вокруг людская. Преодолевать приходится. Да разгильдяйство сплошное. Никакого порядка не стало, — протопоп Гавриил говорил короткими предложениями, между которых успевал горестно вздохнуть и шевельнуть безнадежно плечами.

— Что такое, дорогой батюшка Гавриил Антонович, неужто и в вашем духовном ведомстве социалисты поработали? — все рассмеялись, но несколько осторожно, дабы не дать повода для обиды.

— Да уж, слава тебе господи, пока нас миловала сия напасть. А вот лень, — протопоп уже явно сделал сокрушённое лицо и развёл руками. — Лень, это да-с, это дело повсеместное, так сказать. Прямо-таки беда-беда.

— Так оно, может, от сытости лень-то появилась у ваших причетников, а? —

Хрутов затаился папироской и откинулся в кресле, явно намереваясь покритиковать духовное ведомство.

— Может, и от сытости, — примирительно пробормотал протоиерей Гавриил. — Оно же дело такое-с, сытая и счастливая лень опасна. Я не знаю, как уж в мире ангельском, здесь мы только гадательно можем судить, но в этом, в нашем, совершенно так точно-с.

— От сытости, от сытости. Они ж от сытого пуза да от безделия бомбировать начинают, то в градоначальника какого, то вот в этого несчастного Столыпина всё метились, да дometились. Нет, господа, народ должен работать и, как там у вас, батюшка, в поте лица добывать хлеб своей насущный. А остальное всё от лукавого, это без всяких разговоров понятно, — Хрутов встал с кресла и подошёл к игровому столу.

— Господа, так, может, уже и за картишки сядем, время-то давно подошло, вот и батюшка протоиерей с нами уже. Отец Гавриил, вы как? На картишки настроены? Или совсем случайно в общество заглянули? — Кускову не терпелось расписать немного за столиком, он уже сидел за игровым столом и даже шевелил пальцами, словно перебирал в руках карточную колоду.

— А может, мы-с сегодня рулеточкой, так сказать, домашней порадуемся? — протопоп уже забыл свои заботы и уселся за общий стол для игры.

— Слышал я, что вам товара подвезли, да не довели. Чего так? Подморозило, поди, по дороге-то? — Кусков хитро подмигнул Хрутову.

— Да нет, батюшка мой, оно, пожалуйста вам, тут подсушило поболее, чем подморозило, — купеческая компания дружно и раскатисто расхохоталась.

Есть такие шутки, что понятны только в конкретное историческое время и в определённом, часто довольно узком кругу посвящённых. Шутка о «подморозило» и «подсушило» была как раз их такого разряда. Тогда торговый дом Морозова и торговое дело Сухова и сыновей были одними из самых богатых представителей купечества Барнаула, что явно имело некоторые последствия как для этих двух семейств, так и для всего торгового сословия города. Городское купечество посмеивалось над конкуренцией крупных капиталовладельцев, в то же время не забывая вкладывать в шутки изрядную долю правды и серьёзного своего недовольства сложившимся положением дел.

Закрутили рулетку. Играли по маленькой.

Знаете, раньше в приличных домах были такие небольшие домашние рулеточки. Шарик на них крутится быстро, мелко постукивая по рёбрышкам делений. Протопоп, проигрывая, всё приговаривал «Бог дал, Бог взял», но на лице у него выражалась такая вселенская скорбь от проигрыша, что, словно отвечая на неё христианским милосердием, купеческие кошельки проигрывали на следующем круге небольшие суммы. Кусков и Хрутов проигрывали с суровым спокойствием, иногда сдабривая свой проигрыш какой-нибудь расхожей шуткой о «копейке достатка и двух рублях убытка».

В конце концов протопоп остался в выигрыше на пять рублей. В общем, для отца Гавриила игра вполне себе задалась, купечество же вынуждено было принять игру за христианское пожертвование. Так как к большинству игроков фортуна была в тот вечер не очень благосклонна, то за трапезу всех пригласили довольно рано, чтобы сгладить случившиеся игровые конфузы.

Кужину подавали распаренного осетра под хреном, и оттого вечер приобретал вид нарочитой художественной истории. Да и разговоры располагали к литературности обстановки. А говорили опять о социалистах и новых налоговых сборах в казну.

Война порядком надоела, но купеческое сословие не забывало всё же получить свою долю прибыли от сбыва и перепродажи то пеньки, то валенок, то мучных запасов.

— Вчера у госпожи Крюгер в аптеке мальчишка рассыльный слёг. Говорят, склянку какую-то обронил да пальцы после в рот себе занёс, а в склянке той то ли купоросное, то ль какое другое вещество было. Потравился малец-то.

— Да, это дела. Её в кругах-то разных колдуньей лютеранской числят, она вроде с вдовой Капустиной во вражде. Вроде как Капустин к Господу-то отошёл рановато, по здоровью крепок вполне держался. Так же вот напасть-то получил, вроде как этот мальчишка аптекарский, слёг вдруг и кончился. А ведь перед тем у мадам Крюгер в аптеке от бодрствования излишнего снадобье покупал себе, успокоительные капли какие-то. Вот и успокоился, прости его Господи и прими душу его грешную. С тех пор и пошли слухи-то разные.

— Что, батюшка, думаете? Может ли у нас здесь колдунья их заморская куролесить, есть у неё сила-то или тут с местными бесами договариваться по-русски надобно?

— А я скажу вам, господа, мадам Крюгер очень даже ничего дама, для наших мест, может, только внешностью суховата, но зато в достатке полно, — впервые за весь вечер вдруг вставил реплику хозяин дома Чванов.

— Так а разве вы не слышали, господа, что мадам Крюгер отбывает от нас? — пе-

ревёл разговор в деловое русло протопоп.

— Как это отбывает? Куда?

— Так известно куда, откуда была, так сказать, туда и возвращается. Вот в следующем году, даст Бог, и аптеку уже оформляют-с, по продаже сдельной.

— И кто ж вам, батюшка Гавриил, такое отинформировал? Уж неужто ли на исповедях сейчас про лютеранское колдовство так точно излагают? — все захмыкали, но вопрос явно требовал разъяснений.

— Да что вы, господа, побойтесь Бога-то шутки такие шутить. Это по духовному ведомству нам известно, так сказать. Лютеранская община хоть и мала-с, да все при деньгах, вот и докладывают, так сказать, для умиротворения общего дела. А то как же нам иначе всё устраивать по городу, ежели дел-то не знать-с.

— Так они, выходит, тоже вроде как христианской веры, по-своему только. Вроде ж бы католики, а то и нет. Чёрт их там разберёшь, инородцы, одним словом, нехристи, по-нашему.

— Лютеране, господа, это вовсе не католики, но тоже деньги считать умеют.

— А что ж тогда этот их ксёндз местный, он-то каких будет?

— Католического он убеждения. Только у них здесь не очень-то выходит развернуться, торговля плохо идёт... католическая-то, — все опять весело захмыкали.

— Да, да, слышали мы, они там всё документ выдают, за грехи вроде как прощение. Загодя заверяют, справкой, с заверением епископским.

— Это, господа, индульгенция называется. Они там торгуют, так сказать, такими справочками уж давненько-с.

— И что за справочка?

— Дело простое, пришёл, оплатил кому надобно, и выдали тебе, так сказать, документальное прощение всех грехов, вроде как от Самого, — протопоп показал пальцем в потолок.

— Ловко как. Так оно же бесполезное дело, туда-то, — Хрутов тоже показал пальцем вверх. — Туда справку ж никакую не возьмёшь.

— Совершенно справедливое наблюдение, но они там, так сказать, так ловко всё обставили-с, что такими справочками однажды хорошо казну свою пополняли-с. Здесь надо же понимать, дорогой Пётр Иванович, что Ватикан — это сборище лукавое, из одних хриstopродавцев и состоит. Если бы они были отдельной державой, то всё там вертелось бы, так сказать, вокруг денег и власти-с. Христианское словоуслужение только даётся эдаким носом припудренным, для приличия-с. Так что не обманывайтесь, дорогой Пётр Иванович, не обманывайтесь, католическая церковь совсем не та-с чистая апологетика, что может показаться из речей ксёндза.

— Так а мадам Крюгер, как вы скажете на то, батюшка, может колдовским делом на нашей земле какая лютеранка заведовать?

— Дело это тёмное, а тёмное дело везде, так сказать, себе лазейку находит. Бесы-то, они ж везде одни те же-с.

— А аптеку кто приобретает?

— Вроде бы как она своему помощнику, Зеленцову, дело передаёт.

— Вот так кстати! Зеленцов тоже, поди, зелья мастер мешать, — захмыкали теперь уже сыто и довольны.

— Ну что вы, Павел Платонович Зеленцов — человек русский, в полном слове, так сказать, русского происхождения. Наш прихожанин вот ещё. И жертвует часто на богоугодные, так сказать, дела-с.

— Так, значит... Ну, понятно тогда, батюшка Гавриил Антонович, откуда ноги-то растут. Это вам сам Зеленцов и приносит, поди, новости.

— Это сама жизнь нам приносит-с, а уж что и через кого, это дело, так сказать, обстоятельство, — протопоп не настроен был язвить, да и пять выигранных рублей грели сердце приятным воспоминанием. Помня, что деньги выиграны у присутствующих, отец Гавриил решил быть смиренно терпеливым к различным колкостям разговора.

По домам разъехались за полночь. Да и ехать-то особо было некуда, благо все проживали по соседним улицам.

Глава 5

«Нельзя приписывать человеческие действия необходимости, ибо они не принадлежат к тому, что неизменно...»

Иоанн Дамаскин, «О том, что в нашей власти, или о свободе»

Комнаты мадам Крюгер располагались на втором этаже её же аптеки. В зальной висел портрет покойного господина Крюгера и небольшой серебряный крест для молитвы.

— Христос милосердный, Иисус сладчайший, прими мою молитву и благослови дела мои... — мадам Крюгер вздохнула, разжала ладони и закрыла лежащий перед ней томик домашнего евангелия с тонкой бархатной закладкой. — Павел Платонович, пожалуйте... — громко и спокойно проговорила мадам в сторону приёмной комнаты, — в приёмной никто не отозвался. — Павел Платонович? — недоуменно повторила мадам.

Дверь аккуратно приоткрылась и вошёл Зеленцов.

— Простите, Эвелина Феликсовна, я решил сотворить молитву, вот... — Зеленцов угодливо улыбнулся и, сложив ладони, поклонился.

Это был мужчина средних лет с тщательно уложенными гладкими волосами. Костюм в элегантную модную клетку охватывал стройную и немного суховатую фигуру Павла Платоновича и придавал движениям плеч некую аристократическую изломанность.

— Мне показалось, что прилично помолиться, перед тем как вас увижу, — он опять сладко улыбнулся.

— Что же вы... — мадам Крюгер на мгновение замолчала, но было видно, что ей приятны слова Зеленцова. — Что же вы такое говорите, смущаете меня, — она бросила на него быстрый взгляд и показала рукой на кресло. — Прошу вас, присядьте, — Павел Платонович привычно устроился в креслах. Мадам Крюгер присела на стул возле окна и осторожно поинтересовалась. — Вам, Павел Платонович, ярмарка новая при пароходстве как пришлась, по душе ли?

Зеленцов незаметно стрельнул глазами в сторону собеседницы.

— Ничего такого особенного, обычное дело... А вы, Эвелина Феликсовна, разве не были на открытии?

— Так вы же знаете, заботы всё последние, недосуг как-то было мне. Вот, думала, вы мне расскажете, — она с нарочитым равнодушием посмотрела в окно.

— Да, признаться, и рассказать-то нечего. Правда, сам голова был, речь сказал внушительную.

— Ну, это известное дело, голова на речи, говорят, мастер...

Помолчали. Мадам Крюгер встала, убрала томик евангелия в ящик стола.

— Знаете, мне, признаться, кажется странным, что в такое... — она помедлила, подбирая слова: — В такое непростое время и вдруг ярмарка, веселье вот это, как-то, мне кажется, странное время для ярмарки.

— Так здесь же всем объявлено было, от госпожи Капустиной вроде бы благоволение, для города некоторая милость, — при упоминании госпожи Капустиной мадам Крюгер высокомерно отвернулась и слушала остальное, поправляя и без того висевшую ровно штору. — Там же и пожертвование собрано существенное, на помощь воинам нашим. Даже и дамский комитет присутствовал в полном, как говорят, наличии.

— Дамский комитет, — Эвелина Феликсовна брезгливо дёрнула губами и резко поменяла тему: — Ну, да ладно с ними, давайте-ка о деле поговорим, — она вновь села.

— Вам, Павел Платонович, надобно в полицейском управлении бумаги наши заверить. Откладывать невозможно. Займитесь, будьте любезны, прямо сегодня. Мне письмо доставили, уезжать буду спешно, время не терпит. Сами знаете, сейчас через границу переезд затруднён, а скоро, может, и совсем не будет проезда. Остаться здесь дольше я не намерена, потому прошу вас, уважаемый Павел Платонович, делом заняться в срочном порядке. Аптеку вам передаю в управление, но и бумаги надобно быстро и добротнo привести в порядок, чтобы никаких затруднений не произошло у меня... и у вас тоже.

— Ещё раз покорнейше благодарю вас, Эвелина Феликсовна, за столь приятную расположенность.

— Полно, полно благодарить-то, вот бумаги исправите, тогда и можно о благодарностях будет, — она встала и протянула перед собой руку в прощальном жесте. — Прошу вас.

Зеленцов быстро поднялся и принял руку мадам Крюгер, коснулся губами, задержавшись немного дольше приличного.

— Всё будет сделано в лучшем виде, не беспокойтесь, Эвелина Феликсовна, вот прямо сейчас и направляюсь в управление, — он поклонился и осторожно вышел из зальной комнаты.

«Какой, однако, приятный человек, этот Зеленцов, надеюсь, что и вправду всё легко и быстро устроится. С войной этой вот ещё всё перепуталось... А Капустина... однако, дамочка какая... Пожертвования она собрала, гляди-ка... Я здесь ещё и должна платить им на всю эту их военщину, налоги повысили они... Нет уж, извините, мы уже сами как-то обойдёмся... Вот Павел Платонович, верно, человек хороший, может, и чего получится... Эх, Павел Платонович, Павел Платонович... Паша...» — мадам Крюгер опять подошла к окну и внимательно проследила за тем, в какую сторону направляется от её дома Зеленцов.

* * *

В переулке стояли двое. По виду — обычные чиновники низшего класса в потёртых спортуках и растоптанных туфлях. Первый, продолжая недавно начатый разговор, негромко втолковывал второму:

— Так оно же ведь и выходит на то, что выбрать мы можем запросто и сами. Это ж что нового правителя, но этакое национального — выборного!

— А как же он управлять-то сможет? Ежели его выберем мы, люди, оно не по закону так.

— А так же и выберем, а управлять дело такое, наживное. Будет такой выборный управлять, как и любой другой управитель, обучившись и практикой набравшись, следуя советам правительства, тоже выборного.

— Да ты что, господь с тобой, это невозможно даже представить. Власть даётся от Бога, по рождению царём-то только можно, а как иначе? Это ж каждому понятно. А ежели правитель не рождён таким, да без божеского благословения, так его ж никакими выборами нельзя оправдать будет.

— Что ж ты заладил-то, непонятливый ты человек, «нельзя-нельзя». Кто тебе сказал-то, что нельзя? Ты Бога сам-то видел хоть раз али только от других разговоры одни слышал? Вся эта демангогия-с дряхлая и немощная такая отчизна, оно ж для таких вот, как мы с тобой, дураков и говорится. А при чём здесь все эти божественные костыльки! Нет никакого права по рождению, есть право править по выборности, и оно самое справедливое и для людей удобное. Разве не все одинаково рождаются в муках материнских, а? Разве оно не каждому едино дано жить и быть человеком-то? Неужто какой-то туманный ритуал происходит над царями земными, что они одни и могут понести? Нет, они просто оказались в нужное время в нужном месте, но времена меняются, и это самое сейчас правильное понимание дела.

— Ты, по-моему, забываешься, что цари — они ж помазанники Божии, на них весь груз помазания лежит, и на них же благословение, иначе никогда и не бывало.

— А разве в «Деяниях» нет примера выбора человеческого на управление, а?

— Какой же там пример такой может быть, что-то не припомню?

— А как же апостолы? Когда они Матфия на место Иуды по жребию выбирали, разве не пример тебе?

— Так то же они только жребий бросали, для воли Бога чтобы порядок исправить верный, чтобы божескую волю узнать.

— Но кандидатов-то выбирали сами, как говорят сейчас — по объективным критериям.

— И что оно с того?

— Так это и есть самый что ни на есть прямой пример-то, только ещё в некотором зачаточном состоянии. Ведь сказано же, что апостолы просты умом были, темны в делах государственного управления, так и то уж поняли, что могут сами кандидатов выбрать-то. А то, что жребий бросали, так то не для воли какой-то там высшей, а для справедливости. Ежели двое одинаково достойны, то здесь уже по жребию самое верное дело выбрать из них одного по достоинству его явному. А второго могли заместителем поставить, на всякий случай. Оно ведь жизнь-то мало чего приготовит, а здесь и такой же запасной будет в наличии, и дело в шляпе.

— Ты вещи совсем тяжкие говоришь сейчас, а то услышит кто? Не боишься? Полиции донесут, дело то государственной изменой пахнет, а?

— Ну ежели кто и продаст, так только мы с тобой, но уж за себя я спокоен, а ты и сам не дурак, понимаешь, что правильно я рассуждаю. Только вот мы с тобой про такое уже много раз говорили, а всё никто не донёс, значит, и ты со мной вместе соратник. Или думаешь, я не вижу, что давно тебя мучают те же мысли.

— Мучают, и то правда, да вот потому и мучают, что не совсем это дело верное, много ли как ты да я? Вот так думают — одно дело, а ежели возьмутся за них? А то если только ты, да я, да мы с тобой только и сидим здесь, как два бобыля, воображаем фантазии разные?

— Да нет, товарищ дорогой, мы не только с тобой про то рассуждаем, много у людей уже мыслей накапливается. Вон и на ярмарке нынче полицмейстер представление смотрел про Петрушку и попа, а попа-то побивает Петрушка да палкой колотит так, аж искры из глаз. А полицмейстер и ничего, смотрел да хохотал со всеми вместе. Значит, и он знает, что дело старинного управления уж давно гнилое, подвох в нём чует носом своим полицмейским. Ты видал, какой оклад наш протопоп заказал для своей иконы? Вроде всё чин по чину, благообразно так вроде, а по сути-то кому он иконку эту облагородил-то?

— Кому?

— Да себе любимому. Святой-то, Гавриил архангел, его вроде как личный покро-

витель, вот и старается. Мы, значит, должны на войну собираться, а он сидит здесь пупом надутым и оклады за тыщу рубликов закатывает. Что-то не слышно было, чтобы его сыночки на военный театр собирались, а народ, значит, должен жизнь за царя да за отечество полагать. Что ж это выходит, тоже так по рождению кто-то на небушке нас распределил, петушки к петушкам, а гребешки к гребешкам? Нет, брат, так дело не пойдёт, либо мы все вместе, либо никакой такой у нас общей отчизны нет и быть не может.

— Опасные мысли.

— Да не опаснее других.

— А что мы-то можем, наше дело маленькое, сидим в конторе, по службе осторожно двигаемся, и ничего не сделаешь здесь, так уж заведено, сам знаешь. Да и по военному ведомству нас вроде и не трогают, а то кто ж тогда реестры вести будет, не губернатор ведь за них усядется. Вот мы на то и есть, ничего здесь не сделать, так уж повелось у нас.

— Знаю, оттого и толкую тебе, что всё это давно пора определить по полочкам. Уж не гребешки с петушками должны быть, а народная воля, конституция для всех единая, и никаких надутых боженек не надобно нам, сами с усами, сами как-нибудь разберёмся.

— Ну, сами не сами, а здесь ведь надо бы понять, какой резон каждому в деле отводится.

— Вот я тебе и толкую, что есть там, в центрах, люди-то умные. Да и у нас здесь не дурнее будут. Завтра сговор у меня с надёжным человеком на встречу, мне одному не с руки, всё ж дело непростое, а вот с тобой и пошли бы, а?

— А кто такой?

— Да он из центра сюда прибыл. Говорят, его далече по навету до Кузнецка отправили, а потом навет и разъяснился, да только он здесь уж приобвыкся, вот и остался. Нынче к нам пожаловал по службе, а сам с идеями новыми. Полицейские уж не так, как раньше, над добрым человеком злобствовать могут, урезонились вроде как. Недосуг им за всеми уследить, война всё же, вот и образовалась безопасная оказия на встречу нашу. Говорят, что и купцы здешние тоже настроения имеют разные, а тот человек вхож куда надо, приличный и умён по науке правильной. Там по духовному правлению поручение за того человека имеется, вот его и помиловали, вроде как по ошибке он ссыльным оказался, теперь вот извиняются перед ним вроде как. Полицейстер только надувается, что без его ведома человека распределили, но это так, от важности больше, чем по делу-то. А человек тот, он у нас при аптеке состоит по образованию, да и деньжата имеются.

— Это при горной, что ли, аптеке-то?

— Да нет, у мадам Крюгер он помощником сейчас, но вроде как скоро и хозяином станет. Мадаме-то по её немечеству здесь оставаться не резон, точно отбывать надо к своим немчинам, а то ведь и неизвестно, как оно с инородцами здешними обернётся. Это пока вроде их не трогают, но настроения по всему оказываются такие, что ежели возьмутся... — он потряс перед лицом собеседника кулаком. — А ей совсем не с руки здесь терпеть это всё будет, вот и сбегает до своих. А ему, нашему ведь человеку, ему и сподручнее, да и городским приятно будет, если немка на нашего исконного заменит-ся. В общем, дело верное, и денежки за ним стоят надёжные, без подозрений.

— Ну, если он с деньгами может устроиться, то можно и послушать идеи-то. А какой у него на встречу план-то, кружок, что ли, тайный хочет организовать у нас?

— Терпение, дорогой товарищ, всё там и разъяснится, когда встретимся.

— Так сразу хотелось бы знать-то, а то ведь встреча такая — дело опасное, донесёт если кто, так всех и прихлопнут.

— А нам что, с нас взятки гладки, мы ж ничего такого не сделали. Ежели чего, так скажем, что и не знали дела, думали, будто по бумагам какая помощь требуется, вот и встреча вся. Он же как раз документы справляет сейчас по делам мадам, вот нас и пригласил для совета и по ведомству узнать, как и что.

— Это да, это ты хорошо придумал. Я так думаю, да и всё рассуждение такое получается, что терпению надобно учиться у гадов земляных. Они терпеливо ждут, когда большие и сильные животины ослабнут и издохнут, а потом без спешки и суетливости поедают тело некогда пугавшего всех зверя-то. Вот лев, он рычаний и грозный, он червячка любого когтем одним придавит, и что же? Червячок терпеливо ждёт, он знает, что дождётся точно. Грех-то, как сказано, обязательно смертен даже тварям бездушным земным, потому и смерть обязательна всей живности. Так через Адама как пошло, так оно всё и движется по одной колее. Вот потому и знает червь, что пища его будет и стар, и млад, и силен, и слаб.

— Вот я тебе о том и твержу, терпение, дорогой товарищ, терпение. Нам терпеть-то не привыкать, а тем паче, ежели на дело такое, с возможностями разными. Оно ж вы-

годное дело-то, точно говорю тебе. Вот и выходит, что правду говорят про терпеливость, что великая это добродетель. Терпение, дорогой товарищ, терпение.

Глава 6

*«Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!»*
А.С. Пушкин, «Признание»

Перкея Федотовна Капустина смотрела в окно кабинета.

После скоропостижной кончины супруга этот кабинет изменился, но не стал выглядеть хуже. Новая хозяйка помещения преобразила его к своему вкусу, сохранив некоторую строгость общих тонов. Только прибавилось то ли нежности, то ли романтических фантазий, когда в кабинете появились фарфоровые фигурки целующихся ангелочков. Да ещё подобие косметического столика, украшенного неимоверно тонкой и неожиданно простой резьбой, установилось ближе к оконному чину.

Перкея Федотовна смотрела в окно. Сквозь дымчатую розово-голубую тюль улица казалась туманной. Край оконного света обрамляла портьера глубокого синего, иконо-богородичного цвета. Когда к вечернему сумерку портьеру закрывали, то на рабочем столе зажигалась лампа зелёного абажура и хозяйка терпеливо читала письма и просматривала текущие бумаги. На маленьком диванчике можно было отдохнуть, тогда хозяйка читала книгу и немного фантазировала «для пользы воображения».

— Машка. Машка, — позвала Перкея Федотовна прислугу.

— Матушка, — старый слуга заглянул в дверной проём кабинета. — Так нету её здесь, во флигеле она, за старухой ходит.

— Так, скажите, готовить чай, — Перкея Федотовна опять посмотрела в окно. — Вот Павел Платонович уже идёт, а у нас и чай не готов.

— Не извольте переживание иметь, матушка, всё сейчас подготовят.

— И соки, соки поставьте, может, жажду с ходьбы возымеет Павел Платонович, — добавила хозяйка вслед старому слуге.

«Что же такое-то, и чай вот не готов. Да что чай, жара мало, что ли, от улицы, надобно охлаждённые сладкие воды предложить... Поговорить-то надобно о погоде, о чём-то после рассказать, Павел Платонович, может, и подольше будет... Я ему картами погадать, для смеха, шуткой вроде... Да так и есть, гадание предложу!..»

Павел Платонович вошёл несколько нервно, и в это время у него за спиной зазвонил колокол.

— Павел Платонович, пожалуйста, — Перкея сделала смущённое лицо. — Ох, Николай звонит, на службу надо бы сегодня не пропустить.

— Перкея Федотовна, прошу прощения за столь неожиданный визит.

— Ну что вы, Павел Платонович, что вы... А знаете, мне вот как раз надо бы вашего совета испросить.

— Всегда к вашим услугам.

Прошли в гостиную.

— Пожалуйста, садитесь вот здесь. Воды сладкие. Вот, — она плавно показала кистью на столик. — Не желаете ли? Духота сегодня, прямо-таки спасу никакого.

— Благодарю, благодарю.

— Знаете ли, дело известно стало мне, что у нас курсы по современному американскому методу открылись, вот даже объявление пропечатано у театра, — Перкея Федотовна развернула маленький дамский веер. — На машинке печатной обучать берутся, а вот я думаю, верно ли, так уж хорошо обучают таким методом? — она незаметно поправила лиф. — Ох, и душно сегодня, ох, и душно.

— Что же вам, дорогая Перкея Федотовна, метод этот так интересен стал, желаете обучиться или какие другие интересы имеете?

— Да вот думаю своих из конторки направить, есть у меня две девки, обе шустрые, да вот на машинке не имеют сноровки печатать, а я же сейчас одна делами занята, вот и думаю из девок тех что-то организовать сподручное.

Перкея понимала, что самый верный способ заполучить молодого мужа — это иметь в наличии хороший капитал, хотя и не оставляла мысли о своей женской зрелой привлекательности. «Всё-таки придумали вот, что дама немолода, когда после трёх десятков ей, а ведь никакого резона в том и нет».

— А вы знаете, Павел Платонович, я намерена здесь карты приобрела, такие... — вдова улыбнулась немного принуждённо. — Такие для развлечения, гадательные вроде как, с разными сюжетами. Психологические кабинеты открылись у нас, там говорят, что разные такие карты полезны для общего настроения... для ума пофантазировать и... отдых приятный. Вдова вопросительно посмотрела на гостя.

— Дорогая Перкея Федотовна, неужто такие развлечения интересны бывают для дамы вашего высокого ума? Говорят, скука одна.

— Ой, да там безделица такая весёлая, для пользы психического здоровья. Знаете, я в дамском журнале таблицу прочитала, так там как раз и говорится, что картами надобно этими ум развивать, вроде как такая игра полезного характера. Можно карточки друг другу давать и что-нибудь весёлое называть. Там правила специальные, я бы вас обучила.

— Да прямо и обучили бы так просто?

— Конечно же. Что же вы, милый Павел Платонович, думаете, мне обучить вас не получится?

— Да что вы, уважаемая Перкея Федотовна, простите ради бога, я-то ведь не о том! Да будет ли время у вас свободное? Дел столько. Сейчас вот и с бумагами же наверняка устаёте. Я проезжал наведни, видел, что и свет у вас горит, допоздна сидите.

— Ох, да. Да, да, да, дорогой Павел Платонович, сколько уж вдовствую, третий год уж закончился. А вы знаете, дело-то требует мужского взгляда, — вдова опять улыбнулась, но немного в сторону, как бы стесняясь своей откровенности.

Помолчали.

— А знаете, соки, соки сейчас вот, — она забеспокоилась. — Вы уж простите, я как-то сразу и не предложила, кажется, вам, с дороги-то, поди, и жажда появляется. Давайте соков отведаем, я вас настойчиво прошу, я просто требую попробовать сладких прохладных вод.

— Ну конечно, дорогая Перкея Федотовна, ну конечно, конечно, очень признателен, — Зеленцов взял бокал и сделал несколько небольших глотков. — Изумительный вкус, вы волшебница, это невероятно вкусно!

— Ох, вы меня прямо и в волшебницы сразу так называете, — она шутливо махнула на него веерком. — А это ведь жара такая.

— Правда истинная, волшебница. В жар такой только соки ваши и спасительны, — он приятно улыбнулся.

— И то правда, оно ж два дня до Пятидесятницы, а жара стоит невозможная, вы только посмотрите. И пух везде, пух какой, прямо-таки романтическое настроение само возникает, радость какая-то необыкновенно простая. Да и жажда, — Перкея Федотовна повела рукой перед грудью. — Жажда такая, приятная даже, естественная жажда возникает в груди. Я сразу подумала, что сладкие соки, они будто воды прохладные, очень уж подходят к такой погоде-то.

— Как хорошо вы сказали, поэтические строки словно произнесли. А соки очень хороши.

— Да, соки очень необходимы. Вы знаете, дорогой Павел Платонович, я же как с прогулки приду и вот соки. Прямо как в граде небесном амброзию отведавшаешь.

Неожиданно на Зеленцова нахлынуло множество икот:

— Ох, про... ик... простите, ик... ик... ик... — Павел Платонович никак не мог остановиться, поставил бокал, расслабил галстук. — Ик... да что же так... ик...

— Водички, водички, и один раз глотайте, и голову немного вверх, на небо смотрите и глоточек, с усилием глоточек воды, — засуетилась хозяйка. — Вот, вот, так. Теперь дыхание задержите и ещё маленький глоточек... вот так.

— Ох, простите, ради бога, извините меня, извините.

— Да полноте, что вы, дорогой Павел Платонович, это вы меня простите, в смущение ситуацию довела. Это жара всему причиной, жара. Присядьте и грудь расслабьте, всё сейчас уляжется.

— Благодарю вас, вы просто спасли меня, — опять помолчали.

— Ну так что, обучить вас, Павел Платонович, уж найдёте для такой безделицы время?

— Никак не могу отказать, долг требует подчиниться, вы теперь моя спасительница.

Перкея Федотовна, польщённая словами гостя, прикрыла лицо маленьким веером:

— Ну право, право, вы меня так смутите столь приятными похвалами.

— Ни в коем случае не имел даже малого умысла на смущение. Эти слова истинная правда, мне приятно их вам сказать. Готов стать вашим прилежным учеником в какое для вас удобно время.

— Ох, как приятно вы говорите и довольно свободно, замечу я вам, милейший Павел Платонович, — она поправила складки на рукаве платья. — А давайте тогда после Троицы, через неделю, как раз и дела все улягутся мои и... ваши.

— С превеликим удовольствием.

Опять помолчали, и вдруг вдова, словно что-то припомнила, заговорила:

— А ведь я же и ещё одного совета у вас, Павел Платонович, спросить хочу, если вы не возражаете, конечно?

— Всегда к вашим услугам, вы должны знать, что для меня всегда приятно быть вам угодным.

— Да, да, благодарю... Дело такое... У меня же старуха, Машка за которой ходит во флигеле. Старуха, Акулька, нянька она была, троих Капустинских отнянчила. Но уж больно плоха она по старости-то. Всё думаю, в деревню её всё-таки отослать надобно, да вроде бы и сердце по-христиански жалеет её немощь-то. Другое дело, что в деревне ей, может, и лучше даже, чтобы помирать на воздухе, да и здесь не тяготить никого. Может, отослать и дать наказ по уходу, а флигелёк расширить, для дела-то оно лучше вроде бы будет, ежели флигель освободится? А так получается, что и старуха напрасно квартируется, и Машка по хозяйству ничего не успевает, сидит всё с этой Акулькой.

— Что ж, по-христиански нам надобно к существу человеческому иметь сердечное расположение. Опять же, если посмотреть на дело шире, с практической стороны так сказать, так оно, может, и старухе полегче упокоение надобно сделать, и хозяйству должен быть прок. Сейчас время такое, что и флигелёк в дело лучше привлечь. А вот вы не думали старуху-то вашу в дом призрения поместить, там и уход ей будет, и вашим пожертвованиям верное наблюдение появится. Так и наблюдение будет верное, и благочестивый ваш труд на вашем же человеке благодетельствованием проявится.

— Павел Платонович, да вы просто наимудрейшее решение сейчас мне дали, прямо соломоново разрешение дела!

— Ну что вы, мне Соломон только пример для прилежания, а мои мысли происходят лишь от всемерного к вам участия и благодарности.

За окнами опять послышался колокол.

— Что это он сегодня раззвонился, пьян, что ли, звонец-то?

— Так, видно, до Троицы радуется. Оно же известно, кто празднику рад, тот за неделю пьян.

— Это, как вы заметили, радостью надобно больше радоваться, естественными средствами, без всяческих... охмельных средств... А что же мадам Крюгер, говорят, она покидает наше общество? — неожиданно спросила Капустина.

— Да, вот... аптеку думаю приобретать по этой okazji...

— Это дело доброе, а то что ж это такое... Впрочем, ваше дело верное, думаю, и даже своевременное, — она встала, и Зеленцов тоже поднялся.

— Что ж, ожидаю вас на обучение, — Перкея Федотовна подала Зеленцову ручку для поцелуя. — Вы уж знаете, между нами говоря, про мадам, думается мне, что всё ж... иноземка она, а тем уже и чужда нам, и... где-то, может, опасна... для общества, если угодно посмотреть-то...

Зеленцов поклонился:

— Здесь изволю понимать ваше беспокойство, но на всё воля Божия, вот и управляется, может, дело к нужному краю-то...

Глава 7

*«Какая красота спасёт мир? Мне это Коля пересказал...
Вы ревностный христианин?..»
Ф.М. Достоевский, «Идиот»*

В аптеке мадам Крюгер стояли прохлада и полумрак. Тихо подойдя к стойке, Зеленцов закрыл небольшим ключиком шкафчик с бутылочками различных химических смесей.

С улицы донеслись глухие звуки далёкой мелодии — это кто-то в одной из купеческих квартир завёл граммофон. Павел Платонович подошёл к окну аптеки. Посмотрел на стекло, потом — в мутное пространство за окном и раскрыл оконные створки.

Там по уличной духоте плыла музыка и её пронзал женский голос.

Глубокое, блестящее сопрано. И скрипичное соло.

Бах. Страсти по Матфею.

Зеленцов слушал и смотрел сквозь окно на улицу.

Потрясающе... Невероятно... Какая сила и тонкая красота!.. — он вспомнил годы в киевской духовной академии, где музыка была одним из главных его увлечений.

Зеленцов шире раздвинул оконную раму, мешавшую звукам.

Музыка и голос поднимались невероятными и ошеломительными волнами, которые подхватывали душу, но воля человеческая сопротивлялась волне. На этом моменте сопротивления, на стыке души и воли жило, дрожало от напряжения сухожилие на шее. На острие и одновременно неуловимости мига что-то яростно боролось за иллюзорный и одновременно важный мир настоящего. Тонкое скрипичное остриё боролось с человеческой волей, и никто не побеждал — никогда.

Потрясающе... Господи, что же ты сотворил!.. Это же невыносимо плохо, мне не-

выносимо плохо... что же ты сотворил... Господи...

Зеленцов ясно понял, что он никогда не сможет признаться в своём банкротстве, а ещё он понял, что аптека мадам Крюгер нужна ему всенепременно, иначе делу конец. Мадам Крюгер, слегка обрусевшая, но немка, оставалась единственным препятствием, преодолеть которое он не мог финансово. В то же время, сами обстоятельства сегодняшнего дня искушали на крайнее и жёсткое решение проблемы.

«Нет, я против обстоятельств. Я сам сделаю обстоятельства и всё поправлю! Да кто она вообще такая для нашего общества? Человек с подозрительной национальной связью, потенциальный германский шпион. Если повернуть дело в правильное русло, то аптека перейдёт ко мне в доверительное управление, уж с адвокатскими связями у меня всё очень даже хорошо. Предварительное соглашение уже есть, остаётся получить неожиданные обстоятельства, а выплату можно будет делать в казну по кредитным условиям как естественный гражданин и управляющий русского происхождения.

В конце концов, доход сейчас идёт хороший, военная ситуация предполагает очевидные перспективы для медицинских смесей на ближайшие даже не месяцы — годы. По сути, для отчизны моё управление более необходимо, чем какой-то подозрительной инородки. Да и кто очень разбираться-то станет, если что случись с мадам, кому она нужна будет, тем более, после всех слухов об отравлении господина Капустина».

Синее небо было прочерчено неестественно стройными рядами облаков, край которых уходил тонкими полосками в синеву. Зеленцов увидел их как распахнутые ресницы неба. Словно широкий взгляд, обращённый на него сверху и строго взыскующий ответа.

«Господи, Христа спасение, — вознеслось в глубине зеленцового мира. — Господи, — он ощутил какой-то ускользающий смысл этих повседневных слов, — Господи, Христа спасение!»

И вот, преодолевая это человеческое бытие, пронзило сердце чем-то невысказанно острым, жарким, испепеляющим дотла всё то, что можно было испепелить, всё то, что можно было назвать тленным. И, как показалось Зеленцову, чистейшая восходящая стрела вдруг пронзила его ветхое тело, и родился луч.

И сквозь боль, сквозь отчаяние, сквозь сплошное неверие и сомнение, срывание с себя шелухи, сквозь сдирание корост тварного, низкого, загрязнённого пошлой мещанской нравственностью бытия проступила ясная истина. Тело ветхое и грешное так и должно в грехе погибнуть, но дух силен, а воля если есть, то она должна быть выше нравственности.

Зеленцов сгорал и прогорал, его мысли становились кристально злыми и прозрачными до невесомости. Никакого груза вины больше не существовало, ибо вина только иллюзия, которой слабое человеческое тело тешило себя до поры до времени. Вина лежала в основе всего этого глупого, жирного, обрюзгшего общества, которое шло в могилу истории поколение за поколением. «Одним больше, одним меньше — остальное не то чтобы неважно, остального просто не существует!»

Мысли Павла Платоновича резали ум до головной боли, но он понял, что желает эту боль. Мышление, истинное мышление, когда опадает звериная шкура инстинктов и остаётся истина в острейшем своём проявлении — это истинное мышление есть боль. Но такая боль сладка. Он впервые понял, что боль может быть желанной.

Вспомнился день Преображения, когда он, Павел Платонович Зеленцов, встречал праздник в храме. Встречал Преображение, стоя у южной стены, с которой смотрели лики местночтимых святых, а поверх них поднимался в небо преображённый Христос.

Там, в храме, и там — в душе Павла — стремилось тогда что-то чем-то стать. Долго стремилось и, наконец, сейчас созрело под звучащую в жарком воздухе музыку Баха. Что-то, заслоняемое суетливыми бытовыми заботами, нелепой ссылкой в Кузнецк, диспутами с такими же политическими ссыльными, это что-то набухало и разогревалось внутри, а теперь прорвалось простой истиной — твоя воля должна преодолевать этот мир.

«Встань и сделай то, что всегда хотел, но боялся. Сказано «не убий», ну так это же о вере сказано, о душах, а не о телах. Если же вера убивается сомнением, так то и есть истинный грех. Правитель казнит тело, а Синод не отлучает его от причастия, значит, не в смертях тел грех кроется, значит, есть скрываемая от большинства истина.

Тело слабеет с каждым днём и всё тяжелее приползает к иконам, а душа в нём всё та же живая и трепещущая. Тело стреляет, идёт в бой, получает раны и награды, уничтожается и уничтожается за абстрактные идеи и чужие интересы, а душа-то всё та же — живая и бессмертная. По существу разобраться, так ни один убийца ни в чём не виноват, если только он душе чьей-то перед смертью тела не навредил. А как не навредить? Рядом не стой, как говорится, «не стой над душой» в её главный момент истины, в момент смерти тела. Тогда душа в своём одиночестве и устремится к Создателю, ведь некуда больше ей деваться-то станет. Убиваешь тело, так рядом не стой и тогда душе

не навредишь.

И чем скорее тело уничтожено, тем шире путь в царствие небесное. Ведь старик, он уже на душу свою столько корост наносных приобрёл, столько мещанских взглядов, что душе тяжко из-под этого всего груза к свету тянуться. Старое тело ноет о своём, а не о небесном, значит, любой акт уничтожения тела есть акт освобождения, который тем желанней, чем раньше произведён».

Павел Платонович прикрыл оконную раму и отошёл в глубину аптеки. Одна тяжкая мысль перекрыла его ясные и лёгкие рассуждения: «Но ведь кто-то должен взять на себя груз ответственности за освобождение, кто-то должен оставаться здесь и продолжать дело истинной свободы!» — он понял, что берёт эту роль себе.

«В конце концов, я же вообще-то не священник, я православный и русский, а это совсем разные вещи», — ошарашенный своим простым, как ему казалось, прозрением Зеленцов несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, забыл все тревоги и заботы. Он уже вернулся из музыки в аптеку и стал спокойно расставлять по местам склянки и проверять цирюльные принадлежности.

* * *

Мадам Крюгер хваталась за краешек стола. Она попыталась приподняться со стула, но воздуха не хватало.

— Х-х-ха-ах, — выдохнула она тяжело. — Х-х-ха-ах, — ещё раз.

Тело осело как-то неестественно спокойно, став на полу подобием возлежащей античной статуи, словно случайно провалившейся из золотого прошлого в наше страшное время. Кисть руки лежала на груди. Тело — пока ещё красивая грудь, плечи, охваченные плавными изгибами платья, — застыло в миге смерти, в нём ещё не показывалась явно отравленная смертной язвой разложения реальность.

На столе чуть-чуть сдвинута стопочка документов и писем, всё остальное осталось в надлежащем порядке. Педантично воспроизводимая женским умом гармония не была разрушена, но только задета. Но эта сдвинутая стопочка бумажек и была уже началом того тления, что несомненно происходило с телом. Красота, пока незаметно, пока только сдвинутой стопочкой, но уже истлевала.

Отравленные чайник и чашка давно стояли на аккуратной кухне, тщательно вымытые и насухо протёртые. В комнатах застыло время, и казалось, что вот здесь и сейчас нет ничего более конкретного, чем ускользающая красота.

Глава 8

«Правда, ещё прежде я делал опыты писать что-то вроде повестей; одна из них не написана, а другая — не повесть...»

Александр Герцен, о романе «Кто виноват?»

Из беседки была видна вывеска над близлежащей лавкой — «Колбасная Закржевского». Павел Платонович намеренно читал объявление в газете о завозе новых колбас: «Варшавская колбасная В.В. Закржевского в г. Барнауле, Московский проспект, дом И.К. Платонова против пассажа И.Ф. Смирнова. Ежедневно свежие варёные и копчёные окорока и разные сорта сухих копчёных и варёных колбас, рулетов и проч.». Пока ожидали в благочестивом молчании чаю, Зеленцов несколько раз невольно прочитал вывеску над колбасной лавкой.

Когда чай подали и прислуживающий дьячок смиренно удалился, отец Гавриил задумчиво взял чашку и промолвил:

— А вы знаете, Павел Платонович, мне всё чаще приходится увидеть в мире отголоски, так сказать, из детских дней. Вот вчера прямо после дождя смотрел из окна третьего чину на клумбу и на траву и неожиданно как-то понял, что вроде бы и видел уже такое что-то, близкое, так сказать, к сердцу такое что-то. Неуловимо понял, что в детстве вот почти такая же клумба вот эта и трава такая ж были у меня перед глазами... Да-с... — протопоп Гавриил помолчал и продолжил задумчиво, словно говорил уже сам с собой: — Как о рае каком-то вспоминается словно...

— Ностальгия, — Зеленцов пошевелил ладонью, как бы обводя ей всё окружающее. — По-учёному это явление называют порой ностальгией, дорогой отец Гавриил. Вот, думается, вас через чувство такое сердечное и Господь коснулся, красотой-то творения и насладил душу. А я всё так в обыденности, в суете, дела и дела разные суетные.

— Все мы суетны в делах-то наших. А разобраться, так и не без этого ведь. Жизнь-то, так сказать, без дел земных невозможно представить-с.

— Да, и то верно. Наверно, так вот с годами и смотришь на мир всё замутнённой делами земными, да заботами разными... А видно, отсеивается постепенно-то всё такое... лишнее. Важный какой-то подвиг только и остаётся, — Павел Плато-

нович коснулся на груди места креста.

— Тоска больше. По чистоте естественной тоска остаётся.

— Вот вы душу-то и рассказали, дорогой отец Гавриил. Её доказательство в тоске, значит, да ностальгии проявляется. Да вот порой эти тоску и ностальгию получать от Господа до избытка приходится. Какая война страшная, а какие пронзительные подвиги, и всё те же переживания — тоска и ностальгия одни. Да так каждый раз...

Чай подали с мягкими в сахарной пудре баранками.

— А ведь и красота-с в этом какая-то особая есть. Печальная и светлая красота-с, — отец Гавриил прикрыл глаза. — Значит, и Господь есть в этом мире...

— Отчего ж ему не быть, конечно же есть.

Солнечный свет стелился мягкими полосами. Полосы проходили сквозь обвивающий беседку виноградный плющ и превращались на полу и беседочном столике в орнаментированные теними узоры.

— Вот, дело известное-с, Павел Платонович, мадам Крюгер. Эвелина Феликсовна продаёт аптеку в определённых обстоятельствах, а обстоятельства совершенно неожиданно, так сказать, складываются... совершенно-с, — протопоп пожевал губами. — Неопределённо, так сказать, тоскливо, если позволите, тоскливо-с...

— Да, и то верно. Обстоятельства, скажем так, вынуждают ко многому, — Павел Платонович спокойно отпил чаю.

— Вот-вот, Павел Платонович, обстоятельства. И вот кто-то эту аптеку приобретёт-с. И, как известные обстоятельства говорят, приобретёт кто-то наш, скажем так, русский. Допустим, вот даже вы-с. А точнее, тот, кто средства от аптеки станет вносить на благо отечества. Вот на те же цели военного ведомства и, конечно, на дела всяческой, так сказать, благочестивой помощи израненным. Благотворительностью-с только и искупится такая тоска обстоятельств. Верно?

— Совершенно верно, отец Гавриил, здесь никаких возражений даже и мыслиться не может.

— Да, оказия тогда выходит. Мы, стало быть, средства вкладываем в дела-с богоугодные... А куда ушли бы средства мадам Крюгер, ну, ежели-с она бы смогла продать дело и к себе отбыть?

— Конечно же в германские земли ушли бы. Куда ж ещё средствам этим было пойти при живой мадам-то? С собой увезла бы, дело известное.

— Вот и получается, что тот, кто ей даст денег, тот эти деньги туда, так сказать, и потратит, куда она могла бы их отвезти. А ежели-с она смогла бы вложить эти денежки в дело? Там, на своей, так сказать, истинной родине. То и в казну-с платила бы там же.

— Известное дело.

— Вот и возникает-с вопрос совершенно, так сказать, странный, — протопоп замолчал, но конец его фразы носил почти незаметную, но всё же вопросительную интонацию.

Павел Платонович осторожно поставил чашку на столик и вопросительно посмотрел на протопопа:

— То есть, раз обстоятельства так неожиданно повернулись, значит, мы можем видеть в этом, уж простите за честный вывод, благо, если угодно, для нашей отчизны. Как вы считаете, отец Гавриил, есть резоны в таком рассуждении?

— Ну, что здесь сказать, по человеческому рассуждению вроде бы так и выходит-с.

— Отец Гавриил, ну так по человеческому рассуждению нам и воля на то дана. А оно же и Божий промысл можно углядеть в этом деле, верно ведь?

— Что касается промысла Божиего, то он на всё имеется, здесь даже нет никаких сомнений, — словно удовлетворившись ответом Зеленцова, утвердительно кивнул протопоп. — А вот наше дело, земное, так сказать, дело, чтоб устроить для блага церкви Христовой любое наше деяние-с. Вам, так сказать, рекомендоваться надобно-с как помощнику мадам, а дело принять помощнику всегда спокойнее. Вот, значит-с... Такое задерживать не стоит, дело то, так сказать, неотлагательное-с.

— Ваши бы слова да за помощь Божию принять надобно, — Зеленцов взял чашку и сделал ещё глоток.

— Ну, так вам ежели помощь необходима-с, так дело наше общее, чай, не чужие люди-то будем.

— Благодарствую, благодарствую, но мне, право, как-то неловко вас обременять.

— Ну что вы, Павел Платонович, мне даже приятно-с, что такое, государственной важности, так сказать, да и прямо если, и богоугодное дело-то. Ежели мне по моей немощи Господь позволит поспособствовать, так и устроить получится. Тако и благодать стяжается человеками немощными по Божиему устройению, — протопоп Гавриил показал глазами в небо. Немного помолчав, спросил: — А в чём у вас трудность возникает-с? Неужели с бумагами какой недочёт? — протопоп спросил вроде бы из вежливости, но Зеленцов понял намёк.

— Что вы, что вы, — поднял перед грудью раскрытые в сторону отца Гавриила ладони, — Господь с вами, дорогой батюшка, с бумагами полный порядок. Только вот ускорить бы, в полицейском ведомстве как-то затянулось по гибели мадам Крюгер дело-то. Там же всё понятно вроде бы, да только вот что-то всё никак они не найдут времени дело кончить. А оттого и по владению аптекой задерживаются документы, оформлению государственному требуется по несчастной гибели владелицы верное полицейское уведомление дать.

— Ах, ну так это не беда. Завтра господин городской прокурор будет у меня после причастия, побеспокоюсь о вашем деле, — протопоп посмотрел прямо в лицо Зеленцову. — А вы сами-то как, благорасположены-с? Так сказать, к сему делу с богоугодным расположением подходите-с полным или только на перепродажу желаете оформить?

— Непременно с расположением, иначе и мысли нет вас беспокоить. А за попечение перед полицмейстером буду вам премного благодарен, отец Гавриил, должником вашим окажусь благодарным, — Зеленцов хитро прищурился. — Может, и правда, Господь нам передаёт от иноверцев-то дело, чтобы вместе сладили на благо церкви Христовой.

— Главное, сладилось чтобы, а то знаете, как бывает-с, одному дадут куш, а он в ответ глухонемым прикидывается.

Оба заулыбались.

— Ну, уж у меня, слава тебе Господи, со слухом всё пока в порядке.

Павел Платонович немного рассеянно посмотрел в сторону:

— Вы позвольте, дела требуют внимания, — он поднялся и поклонился.

Протопоп Гавриил тоже поднялся. Они вышли из беседки, обнялись и расцеловались по христианскому обычаю.

— С Богом, Павел Платонович, с Богом.

Глава 9

*«Не говори ничего, не оправдывай меня, или я возненавижу тебя.
Я, я во всём виновата...»*

Николай Чернышевский, «Что делать?»

Новый год принёс новые напасти. Издание Томского губернского отделения комитета Ея Императорского Высочества княжны Татианы Николаевны за 1916 год отрегистривало трудную картину: «Первые партии беженцев с театра военных действий появились в пределах Томской губернии в конце июля прошлого 1915 года. В то время не было ещё никаких организаций, которые могли бы дать приют этим невольным пришельцам, накормить голодных, обуть и одеть нуждающихся, оказать медицинскую помощь больным...»

По Барнаулу ходили разные смутные слухи, но купеческое сословие слухам не особо доверяло, хотя и обсуждало их на всякий случай. Мелкие разговоры под карточный пасьянс наполнялись новыми, ранее не очень необходимыми словами о войне и политике. Но с разговорами пришли не только новые слова, но и новые темы для доносов.

Обеденная зала приятно освещалась через широкие тюли на больших государственных окнах. Собрались узким кругом — прокурор, его помощник, управитель городского имущественного и купеческого голова. Особняком держался гость — следователь особого отдела, прибывший из Томска для разбирательства по доносу на некоторых городских купцов. Уже было известно, что дело связано с какими-то разговорами, случившимися поздним вечером на квартире купца Чванова.

Присутствующие расположились вокруг накрытого к обеду стола и нетерпеливо поглядывали на закуски. Следователь недовольно нахохлился, чувствуя от заботы своими делами некоторое неудобство в кругу местных господ.

— Господин прокурор, вы же понимаете, дело каторгой пахнет, — следователь настойчиво постучал пальцами по столу.

— Да что вы такое говорите, побойтесь Бога. Господа Кусков и Чванов исправно помогают театру военных действий. А разговоры, ну что такое разговоры? Ну подумай, что-то там они в подпитии болтали. Так не весть что говорят сегодня на улицах, вот господа и обсуждали. Всё же положение им позволяет.

— Положение позволяет быть осторожным в разговорах, тем более в подпитии. Ежели же глубже посмотреть, то положение не позволяет, а скорее обязывает. В том числе и нас, господа.

— Так о том и речь. Положение обязывает нас принять во внимание всемерную помощь господ купцов во всех государственных начинаниях. Да и в благотворительном деле, по-христианскому милосердию, они у нас довольно заметно благодетельствуют, — прокурор слегка нахмурился. — Тем более человек вы у нас новый. У нас здесь не

томские правила, есть свои моменты.

— Моменты моментами, а разобраться бы надобно поподробнее.

Присутствующие пока помалкивали, так как знали, что Кусковы собираются завести родственную связь через прокурорскую дочку, да и в торговых делах имелись совместные интересы. Следователя особого отдела побаивались и сторонились. Но давно известно, приезжий побыл и отбыл, а прокурор остаётся на месте, с ним дальше жить и работать.

Тем более, прошёл слух, что следователь оказался в Барнауле не случайно, так как метил на повышение в чине, для чего необходимо было раскрыть дело государственной важности. Вот он, по негласному и единому мнению присутствующих, и старался, даже независимо от того, что дело-то яйца выеденного не стоило. Только свой интерес следователь отпускать не собирался, и это могло сильно подпортить намечавшиеся свадебные торжества прокурорской дочки.

Прокурор попытался зайти с другой стороны:

— А впрочем, господин следователь, есть у нас одна ситуация по вашему ведомству. Она и правда требует внимания более пристального, если позволите, внимания, более стоящего дел вашего порядка, — прокурор поправил воротник своего мундира и покосился на присутствующих строгим и хмурым взглядом, слегка кивнул помощнику прокурора Жучкину, мол, давай докладывай.

— Несколько ссыльных в последнее время, по докладам полицмейстера, уж больно свободно позволяют себе вести дела по городу, — с готовностью отрапортовал Жучкин. — Вроде бы ничего такого, но если присмотреться, то, может, и окажется, что есть основания заприметить некоторые... моменты. Да и разночинцы там фигурируют. У нас и списочек имеется.

— Ежели внимательно присмотреться да под правильным углом зрения всё увидеть, — подхватил управитель городским имуществом, — то оно и получается, что дело здесь может государственной важности оказаться... ежели верно-то усилие приложить.

Купеческий голова молча кивнул, как бы присоединяясь к общему мнению.

— Да, здесь и ваш приезд окажется в самый раз к месту, — прокурор поднял рюмку с накрытого к обеду стола, и все согласно закивали.

— Да, хорошее предложение, — следователь особого отдела взял из рук помощника прокурора рюмку, — прокурор усмехнулся, кивнув одобрительно и солидно, а следователь неожиданно продолжил: — Но знаете ли, господа, есть иные соображения, и смею предположить, что данные соображения скорее нравственного порядка, — он спокойно поставил рюмку на стол перед прокурором, словно нечаянно коснулся её края, и рюмка упала, разлив на гербовую скатерть красную наливку. — Прошу прощения, господа, я так неловок, надеюсь, вы не осудите меня за эту мою неловкость, — всё общество замерло от неожиданности, обратив лица в сторону — кто прокурора, кто просто куда глаза глядят.

— Прошу меня также извинить, но зовут служебные обязанности, необходимо завершить некоторые дела, не терпящие отлагательств. Вынужден откланяться.

Прокурор сжал челюсти и процедил:

— Да как вы смеете намекать... здесь наводить свои порядки... да... вы знаете, что таких, как вы, здесь было бесчётное число и все были людьми разумными... понимали, что есть ситуации на местах, со своими моментами...

— Согласен, господин прокурор, данное дело известное, здесь и спорить нечего, но... государственная служба в том ведь и заключается, чтобы стараться исключать старые пороки, учитывая опыт, и шагать дальше, к более совершенному обществу, верно?

— Да что вы знаете об обществе?

— Прошу прощения, вынужден проститься, дела-с, — следователь кивнул присутствующим: — Господа, — и вышел из комнаты.

Суетливо за следователем выбежал помощник прокурора Жучкин.

— Право, право, господин следователь... — он семенил рядом и тараторил быстрым полущёпотом. — Дело такое... ну и что ж вы... вот и оскорбили общество и себе достигли укора... что ж вы так...

— Знаете, господин Жучкин, оскорбления можно опровергнуть лишь в случае равных в своём развитии личностей, а что же вы от меня хотите? С моим небольшим опытом только можно признать, что господин прокурор человек опытный и по государственному чину высокого звания. Почту за здравое принять критику такого опытного человека, тем более, что и лета-с уважать надобно. Почётный отдых в таких летах у других, а здесь вот как, трудится человек. Уважения достойно такое жертвоприношение себя на государственной службе.

— Господин следователь, а как быть с делом мадам Крюгер? — перевёл разговор на

ещё одну незавершённую тему помощник прокурора.

— А что с ним не так?

— Ну, надобно понять, как ситуацию изъяснить, всё же иностранная подданная... Нам по ведомству дело окончить надобно, и от вас резолюцию-с требуется, на окончательное заключение-с...

— Ну, как изъяснить? Женщина она была уже в возрасте. Судя по всему, сердце ослаблено было. А может быть и пищевое отравление. Посмотрите там по обстоятельствам и впишите в документы. Я всё заверю.

— Как скажете, как скажете, наше дело понять верно и исполнить.

— Она, как мне изложили, аптекой владела?

— Совершенно верно.

— Вот и ничего нового, удивляться не приходится. Наверняка могла по неосторожности что-то недосмотреть. Это же не такая большая наука. Оно же, когда при обращении с химическими порошками, так запросто всякое может случиться. Таких дел в последнее время много. Как-то попало на посуду, а может, и просто с рукава что-то случайно упало... В общем, дело ясное... А кстати, аптека у нас как, по наследству передаётся?

— Нет-нет, что вы. Павел Платонович Зеленцов, он помощником у мадам Крюгер подвизался.

— Зеленцов? Наш, русский?

— Совершенно верно.

— Это хорошо... это замечательно, — следователь смахнул невидимые пылинки с рукава и расслабил воротник. — Душно нынче, просто невмочь... Эта мадам Крюгер, она же, как мне известно, уезжать собиралась?

— На германскую сторону, к своим могилам, как говорится.

— Да уж, вот и оказалась... к могилам-то... Иноверка?

— Совершенно верно.

— Что ж, может, и её Господь примет, по милосердию своему великому...

Глава 10

«15 июня 1918 года Барнаул был занят чехословаками, 10 декабря 1919 года — отрядами партизана Е.М. Мамонтова, а 13 декабря здесь была восстановлена власть Рабоче-Крестьянского Правительства в виде Алтайского губернского революционного комитета...»

Г.Д. Няшин, «Некоторые моменты истории Барнаула», 1930 г.

На столе, с краю лежала раскрытая газета. Можно было разглядеть выделенное жирным шрифтом объявление: «Предполагая в марте месяце отправить в ставку Верховного Главнокомандующего новый транспорт белья и Пасхальных подарков, Алтайский Дамский Комитет приглашает лиц и учреждения, желающих порадовать наших доблестных воинов, принять участие в формировании транспорта Комитета или присоединиться к нему для совместной отправки. Пожертвования денежные и материальные принимаются ежедневно от 10 до 3-х час. в Комитете, дом Начальника Округа. Барнаул. Февраль 1917 года».

Остальные бумаги закрывала географическая карта с отмеченными красным карандашом кружками некоторых поселений, расположенных на пути к границе Российской империи с Китаем.

В кабинете купца Хрутова царил лёгкий переполох. Сам Пётр Иванович стоял посреди кабинета, уперев руки в бока и раздувая ноздри от возмущения.

— Да что ты, дурная баба, заладила-то, «познают, познают»!.. Да чёрта этого загребущего давно пора приструнить было, а то смотри-ка, расповалился здесь дела свои разворачивать! У меня давно на Кускова подозренье-то хоронилось, уж больно он как сыр в масле катается. А тут оно во как пошло, с прокурором породниться собираются. Да их же потом ничем не взять-то будет! А так притихнут сейчас от осторожности, и наше дело поладится справнее... Так их и надобно, чёрта хитрого детей-то, чтоб знали место-то своё, — Хрутов вдарил кулаком в свою широкую ладонь. — Так их и надобно, — повторил, словно успокаивая самого себя.

— Ты смотри, эка тебя несёт до третьего венца! — упёрла руки в массивные бока супруга Хрутова.

Пётр Иванович немного смутился:

— До третьего не до третьего, лишь бы не до седьмого...

— А ежели прознают про твоё участие? Чего тогда?

— Да как же они прознают-то? Я ж в Томске с оказией, по делам был. А сам ничего не доносил, только так, кое-кому сообщил между делом, вроде бы по пьяной лавочке

рассказал.

— Ох, досообщаешь ты, Пётр Иванович, досообщаешь на свою голову-то. И на мою тоже! Мне ж как потом быть-то? Ты-то вона как, весь такой из себя, а о жене-то ты подумал, о детках наших? Ежели прокурор-то возьмёт тебя в оборот и хрясь! — она подсекала перед собой воздух пухлой ладонью. — И не видали Петра Ивановича Хрутова, как и не было его!

— Да типун тебе на язык, ведьма ты этакая, что ж ты говоришь-то такое! Вот как дам тебе посреди глаз, чтоб место своё знала, баба дурная! Будешь знать у меня, как язык-то распускать!

— Я-то помолчу, да вот другие-то могут и не смолчать вовсе. Так и разнесётся. Эка сказано-то, всё спрятано, а всё одно на виду станет, уж писание-то не человечья глупость сочиняла, жизненно оно уж проверено, и так и сяк проверено-то, такими вот... деятелями-то, что думали потайно останется, а ничё потайно и не спряталось потом, всё вылазит-то наружу... Бога-то хоть побойся! А ежели Бога не боишься, так за капиталы свои побеспокоиться необходимо. Не один ты вроде как, семейственный человек-то. О нас-то ты подумал?

— Ладно, не бормочи, — примирительно пробормотал Хрутов. — Обо всём я подумал. Всё я тут решил уже. Ничего не станет лишнего. Как надо, так и устроится дело-то. Вон уже отбывает, говорят, этот следователь, и дела никакого не завелось. Если б пошло, так давно бы тут вся ивановская трещала о том. А прищучить — прищучил, вот теперь сидят они все тихонечко, что прокурор, что Кусков. Оба теперь сидят и место своё знают. И по торговле поуспокоились вон...

— А тебе-то чего с того? Кусков вроде ж у тебя ничего не отнял.

— Отнимал не отнимал, а галантерее моей урон прямой может оказаться. Вон оно, пока не отнял, а рядышком собирался ещё одну лавку открыть. Улыбается со мной, вроде как совета спрашивает. А по глазам-то вижу, чёрт лукавый, так и рыскает, так и замысливает, как бы себе к ручкам-то всё дело прибрать галантерейное.

Супруга махнула рукой как на пустые разговоры:

— Навыдумывал, дурак старый...

— У-у-у, дура, молчи, сам разберусь, без тебя, — опять раздражился Хрутов на жену и погрозил ей своим массивным кулачищем. — Без бабского совета как-то обойдусь. Ты на старости лет совсем уж страх божий растеряла, давай вон делами своими занимайся... Сам разберусь...

— Но-но, разбирайся, смотри не просчитайся своим умным разумением... — супруга Петра Ивановича гордо повернулась и выплыла из комнаты, покачивая массивными жирными бёдрами.

— Баба... дура... — раздражённо пробормотал ей вслед Хрутов.

За окном глухо бухнуло и послышалось улюлюканье и ругань:

— Эй, тварь косая, что ж ты, скотина поганая, прёшь-то?!

Хрутов вышел на балкончик, перегнулся через перильца и крикнул вниз:

— Демьян! Демьян, мать твою за ногу!

Из-под балкона выглянула бородатая физиономия дворника:

— Чего, барин?

— Это чего там такое? Что за шум?

— Тако оно почём мне знать-то, щас гляну-сь, — Демьян не спеша пошёл к углу, к перекрёстку.

Хрутов подался за балконные перильца ещё сильнее и разглядел торчащий из-за угла кобылий зад. Там, за углом, выкрикивался скандал:

— Чёрта лысого! Куда попёр? Шары залил, что ли, с утра уже!

— Да ты рожу свою захлопни, пока по темке тебе не хлопнул!

Вернулся Демьян.

— Ну, чего там?

— Да чего тамо, — худой дворник махнул рукой и сморкнулся перед собой, сплюнул в сторону. — Эта тамо, бочка-сь схлопнула.

— Какая бочка, ты, скотина, нормально сказать, что ли, не можешь?! — Хрутов от досады ударил по перильцам.

— Дак, это, Кускова купца, галантрея-сь новоя которого. Масло ему везли, а тамо другой, с телегой пеньки выскочнул. Вот они и хряснулись.

— И чего?

— Тако известно, бочка грохнулася, обод лопнул. Всё позалило, всё тамо позалило, — Хрутов увидел, что в кулаке Демьяна торчит зажатый клочок бумаги.

— Эй, Демьян, а чего это у тебя в кулаке?

— Дак вот, барин, тамо побросано кругом-то, вот взял на махру крутить.

— Ну-ка, дай-ка поглядеть, погоди там, сейчас спущусь.

— Тако оно чего, вот оно... — пробурчал Демьян.

Хрутов поморщился и пошёл спускаться вниз, в торговую лавку. Спустившись, вышел на крыльцо и, забрав у Демьяна бумагу, вернулся к прилавку. Сел на табурет и развернул листок. Он читал и на шее надувалась жила:

— Ах вы, черти полосатые... неужто и сюда добрались... куда глядят-то здесь, вот тебе и полицмейстерская работёнка... бога душу мать, это чего ж такое-то, — бросал он обрывки фраз, пока читая напечатанное на листке, — дочитав, встал, положил листок на прилавок и придавил кулаком: — Ах, ты ж погляди...

За спиной Хрутова в дверном проёме стояла жена:

— Ну, и чего там опять? Чего ругаешься-то?

— Да ничего. Иди давай. Дел, что ли, нет у тебя, — Хрутов сжал в кулаке листок и сунул его в карман, усмехнулся. Про себя подумал: «В Китай надо поездку готовить... А Кусков-то... гнида...»

* * *

Демьян зашёл в свою каморку и приоткрыл внутреннюю дверь в подсобку:

— Эй, Митька? — позвал он.

— Чего-сь?

— Поди-ка сюда.

Из подсобки вышел мальчишка лет двенадцати.

— Ну-кась, на вот, ты грамоте-т обучен. Давай-кось... — Демьян достал из кармана ещё один печатный листок, такой же, что только что отдал Хрутову.

— Чего там? — Митька заспанно и недовольно нахмурился, но листок взял. Расправил бумагу и, шевеля губами, начал читать:

— На-род-ный лис-ток...

— Чегой-то эт такое? — Демьян провёл ладонью по бороде.

— Листок. Народный, — увереннее повторил Митька. — Вот, толсто наверху подведено, — он ткнул грязным ногтем в заголовок.

— Тако чегой-т такое-то?

— А я пошто знаю, сказано вот, народный листок, — Митька опять ткнул ногтем в заголовок листовки.

— Тако дальше-то чегой там?

Митька опять расправил бумагу и продолжил читать, по несколько раз повторяя длинные и непривычные слова:

— ...Национальное чувство — это ложная идео... идеология, чтобы отвлекать рабочий класс. Един...ственное само... само... самоощущение может быть только в причислении себя не к нации, а к классу. А причислять себя народу надобно к классу одному — соци...альному и про...грес...сивному классу...

— Тьфу ты, пропасть какая, нажить хотят. Дайкось сюда, — Демьян забрал у Митьки листок. — На скрутки-т, подись, пойдёт, — дворник немного надорвал краешек бумаги и удовлетворённо хмыкнул: — Стодно...

Глава 11

«Пли!» — и прицелился в Передонова кием. Передонов крикнул от страха и присел. В его голове мелькнула глупая мысль, что Мурин хочет его застрелить...»

Федор Сологуб, «Мелкий бес»

«Передовая статья П. Лепешинского мотивирует необходимость возрождения былого «Красного Креста» для помощи заключённым, но уже в международном масштабе, причём указывает, что теперь уже нельзя это дело ставить с точки зрения филантропии — это «вопрос тактики пролетариата». Необходимо «организовать на широких началах тыловую помощь в деле сохранения живых сил революционной армии пролетариата...»

Зеленцов устало провёл ладонью по лицу и посмотрел в конец страницы: «В редактировании настоящего номера принимали участие следующие лица: Я.Д. Баум, И.Н. Бороздин, Н.А. Головина, Б.П. Козьмин, Г.М. Крамаров, В.Д. Сибиряков-Виленский и А.П. Станчинский».

Особенно ему приглянулась фамилия «Станчинский». Он закрыл книгу и откинулся на стуле.

«Понятно, что связь с революционной стачкой и рабочим станком здесь налицо, но чтобы вот так, с «чинский» на конце — это уж очень двусмысленно. А то кто про чины какие вспомнит? Потом же греха не оберёшься...» — Зеленцов Павел Платонович мучительно искал себе новое имя. Времена требовали радикальных решений, и с новым именем он связывал самые серьёзные планы на будущее.

Тот Зеленцов, что хоть и страдал от ненавистного эксплуататорского режима и

происков царской охранки, не мог войти в новую пролетарскую жизнь. Ведь, кроме подходящих под революционный протест фактов, биография господина Зеленцова изобиловала фактами причастности к классу торговому, да ещё и с отягчающими элементами в виде духовного образования.

«Нет, с прошлым необходимо порвать решительно и бескомпромиссно. Необходимо имя, а к нему и звучный псевдоним, что-то вроде Кумач, а лучше — Батрак. Да, Павел Платонович Батраков! Но... опять же, Платонович... Сразу чувствуется какая-то буржуазная подоплёка... Ну, разве может обычный пролетарий носить отчество Платонович... Нет, здесь сразу видны уши духовной семинарии и даже академии... Никанор Фёдорович какой-нибудь должен быть... А почему бы и не Никанор и Фёдорович... Кумачов... Нет, лучше по-простому — Кузнецов, сын потомственного кузнеца-крестьянина... или Плотников... Нет, всё-таки Кумачов, и звучно, и ярко. А по биографии сказать, что Кузнецов я по дедовской линии, из астраханских крестьян. Дед и прадед кузнецким делом занимались. Отец в переселенцы, а после и в солдаты попал, а меня уже не успели сильно кузнецкому делу обучить. Отца на фронте убило, мать с голоду при родах умерла, а я сиротой рос... Скитался и ещё что-то такое добавить, только немного, чтобы несильно с деталями... Школа церковно-приходская, нет, вернее будет, если при богадельне, а дальше уже сам, самородком обучался. При аптеке помогал, а так — из крестьянских корней, из пролетариев, прежним режимом сосланных в Сибирь по принуждению. И то верно, что угнетённый класс...»

* * *

Широка Томская губерния, а посёлков в ней — невероятное количество. Получить новые, но, главное, надёжные документы в смуте гражданских столкновений — дело непростое, но возможное. Никанор Фёдорович Кузнецов, он же товарищ Кумач, появился в одном из поселений Томской губернии где-то ближе к двадцатым годам и уже в первую пятилетку проявил себя как яркий активист, говорящий пламенные речи и агитирующий за новую советскую власть рабочих и крестьян.

Чебулинская ячейка собиралась нерегулярно, но сегодня был особый повод. 18 марта — ежегодная священная память — День Парижской коммуны. Секретарь ячейки товарищ Кумач вышел к импровизированной трибунке, и все затихли, ожидая новой речи руководителя, что вдохновит и укрепит присутствующих в их трудном пути борьбы с эксплуататорами.

— Товарищи! И, не побоюсь этих слов, братья и сёстры! Раньше, до установления справедливой советской власти рабочих и крестьян, братьями и сёстрами называли нас только затем, чтобы пополнить кошельки церковников. Но сегодня в это новое время мы говорим об истинном братстве. Соединение всех пролетарских сил позволяет нам видеть будущее. И коммунизм, к которому мы идём, это и есть настоящее общество справедливости и труда, за которое мы сегодня яростно боремся и готовы проливать кровь во имя общего дела!

Собравшиеся внимательно слушали. На усталых лицах горели безумием священной войны синие, карие, чёрные глаза. Мужики собрались отвязные и лихие, хлебнувшие в дорежимное время всех прелестей каторги и битья батогами.

Соратницы тоже присутствовали, хотя и в незначительно меньшем количестве. Они сидели и стояли рядом с охмелевшими мужиками плечом к плечу, и с первого взгляда не сразу можно было различить в массе собравшихся женские черты. Только некоторые головы, обёрнутые в красные косынки, выдавали молодых пролетарок, а гимнастёрки — большевичек со стажем.

— Но для того, чтобы чётко двигаться к нашей цели, нам необходимо помнить о сущности эксплуататорского класса. Эти мелкобуржуазные элементы, этот класс-паразит, он есть родственник тех червей и пиявок, которых мы наблюдаем в дикой природе. Пиявка, которая присосалась к вам в пруду и пьёт вашу кровь, — это кровь пролетарская, добытая трудом и потом. Пиявка высасывает нашу пролетарскую кровь и разбухает от жирной сытости, — образ пиявки товарищ Кумач заимствовал из аптекарской практики и, будучи специалистом, очень точно показывал детали пиявочного процесса. Разумеется, для собравшихся рисовалась совсем иная картина, и большинство связывали всё произносимое с неожиданными для себя новыми смыслами. Вспоминались старые обиды, отобранные полицмейстером дни вольной жизни, работа на каторге и прочие возмущающие ум и сердце памятные события. Вспоминали и зло радовались открытием таких смыслов в образе пиявки. Удовлетворённо кивали на слова выступающего.

— В мире есть разные паразиты, но особенно опасны те, которые прячутся, скрывают свою сущность внутри пролетарских тел. Социал-предатели — они с господской наглостью используют пролетарский организм как среду обитания. Что это означает? Это означает, что паразит возлагает часть своей работы на трудовой организм, а сам

только развивает свои всасывающие функции. В каждом организме есть защитная система, вот она то и призвана изгнать паразита и очистить организм от отходов его деятельности — мы и есть такая защитная система! — товарищ Кумач опять потряс кулаком в потолок и оглядел лица слушателей.

На лицах появились следы скуки, и Кумач понял, что не надо уводить разговор в интеллигентские гладкие объяснения. Надо проще, выпуклей, чтобы всё было понятно каждому пролетарскому существу.

— Наше новое общество — это среда, где разные паразиты приспособились и даже разработали целый словарь для своей всасывающей функции. Они уже не говорят, что возлагают на кого-то свою работу, они это называют «делегируют». Они якобы делегируют соседа трудиться в поле, а сами только копят плоды чужого труда. Слабый крестьянин по недомыслию соглашается на такую подработку и попадает в эксплуататорскую сеть. Вот это самое делегирование и есть, по существу дела, самый прямой признак паразитов, — глаза присутствующих смотрели сурово и упрямо, они устали от теории, они просили действия, и товарищ Кумач это чётко уловил. — Наша задача — очистить общество, выполнить функцию защиты общественного организма.

Надо не просто уничтожить паразитов, надо вычистить их поганые идеи подчистую, чтобы никакая мелкая гнида не смогла из этих отходов вырасти опять в жирный мелкобуржуазный класс, в класс паразитов-эксплуататоров.

— К ногтю гадин!.. Вона они, целых десяток знаем!.. — активистская сущность пролетариев зашевелилась в груди, кто-то даже хотел выстрелить в потолок, но его остановила рука молчаливого человека в чёрной кожаной куртке и с наганом в деревянной кобуре на поясе. А товарищ Кумач завершал своё выступление важным дополнением:

— Хищник съедает целиком, а паразит вытягивает соки тайненько, «из-под лавки». Но разница между паразитом и хищником не такая уж и большая. Хищников мы скоро всех перебьём, а с паразитами труднее, они ж сидят тихо и отсасывают себе понемногу. Вот те же попы, они ж всё вроде про гладь и благодать, а сами сосут себе в тряпочку, — в толпе захмыкали, кто-то хохотнул и крикнул: «Эва как точно-то!» — Некоторые вон как насосались, аж разбухли животами от жира своего буржуйского! — Кумач потряс кулаком в сторону крыши.

— Долой эксплуататоров, смерть гнидам! — массы накалялись, воодушевлённые речью товарища Кумача, и желали действовать безотлагательно.

— Так где же спрячутся эти паразиты? Здесь, вокруг нас, в каждом селе такие найдутся. Местячковые капиталисты, скрывающие от нас свои закрома, — разоблачать и передавать имущество в руки народа. А кто такой этот народ? Это мы, пролетарские силы, а значит, мы сами должны заниматься делом очистки от врагов и освобождения их от избытка собственности. Кто же ещё может скрываться в здоровом теле пролетарского общества? Скрытые паразиты — тайные агенты царских прислужников. Эти спрячутся под маской наших соратников, но никогда нашими соратниками не были. Сомнение в решениях руководства, сеяние суеверий и упаднических настроений — вот признаки, по которым мы определяем врага социал-предателя в наших рядах!

После выступления товарища Кумача расходились целеустремлённо и конкретно понимая, каков образ врагов. Что делать с врагами? Отвечать на этот насущный вопрос предполагалось как бы само собой разумеющимся действием устранения, как устраняется возникающее на пути препятствие в любой работе.

— Никанор, ты эт, пойдём сейчас, там надо бы с пойманными решить дело.

— Что там?

— Так это, половили ж врагов намердн, в сарае заперли их. Одного протопопа так совсем с перекладных сняли, — мускул дёрнулся на лице товарища Кумача от этих слов соратника, и рука невольно расстегнула кобуру на поясе. Кумач вытянул наган и погладил его ствол, а соратник добавил:

— Куда теперь девать-то? Оно ж содержать бы у нас нежелательно. Пожрут каши, а нам один убыток, — он почесал свою щетинистую щёку.

— Пойдём глянем на этот вражеский элемент, — Кумач решительно двинулся к сараю с арестантами.

В сарае на земле сидело несколько человек в запылённых платьях. Когда вошли, то один поднялся и, прищурившись, стал вглядываться в лица, ища между вошедшими что-то одному ему ведомое. Взгляд человека был полон испуганного непонимания происходящего, но Кумач сразу узнал его. С арестантским недоумением из полутьмы сарая смотрели глаза протоиерея Гавриила Аносова.

— Господи! Пав...

Товарищ Кумач поднял наган и выстрелил в лицо говорившего. Тело соборного протоиерея наткнулось на невидимую для глаз пулю и упало вперёд. Нога конвульсивно задёргалась. Товарищ Кумач выстрелил ещё раз в бок лежащего перед ним человека — тело затихло, успокоилось.

- Ты это... Ты чего, Никанор... эт самое... ты чего так его?!
- Да гнида, – быстро и зло пробормотал Кумач-Кузнецов. – Боженьку здесь своего начал... гниду надо сразу... так надо...
Вдалеке завыла собака.
- Давай этих во двор выводи! – приказал Кумач.
- А этого-т как, хоронить или чего? – соратник указал на тело протоиерея.
- Да вон местных привлеки, пусть закопают где-нибудь недалече, – Кумач убрал наган в кобуру. – В леску вот здесь прикопают его пускай.
- А остальные, чего с ними-то?
- Сейчас решим.

Глава 12

*В Нём была жизнь, и жизнь была свет человеков.
И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.*
Ин. 1:4-5

Итак, мой дорогой и неизвестный читатель, вот мы и расставили все необходимые акценты над словами и точки над известными буквами. Пыль времени начинает уже покрывать не только события дней минувших, но и мою изрядно постаревшую память. Пыль – какое ёмкое слово!

Возможно, через много лет, а то и десятилетий откроются сии заметки и старые дела вновь обретут временное бытие в человеческом мире, но пока я вынужден признаться в совершеннейшей бесполезности слов для некоторых, самых повседневных жизненных ситуаций. Или лучше так – слова тем и опасны, что всегда толкуются не совсем точно, а с каждым толкованием их неточность только возрастает.

Как банальный снежный ком, на слова наматываются мелочи, нюансы, недопонятости, и в результате всё это обрастает таким комом подробностей и неправдоподобностей, что любая нелепица начинает выглядеть самой что ни на есть настоящей правдой. Эта кажущаяся правда вдруг обретает для людей смысл и понуждает к действию, а когда истинная правда выплывает на свет божий, то мы, люди, часто готовы убить, но лишь бы сохранилась наша уже окрепшая и ожившая делами иллюзия.

Понимаю, мой друг, что всё это сказано и пересказано множество раз и во всех возможных вариациях, но в том и прелесть говорения, что при новых обстоятельствах старые затёртые истины на миг окрашиваются свежестью их непреходящего смысла. Впрочем, когда ты читаешь эти строки, то Павлу Платоновичу Зеленцову старуха-истина давно уже известна в той своей вечности, что открывается перед каждым человеком за гробом. Мы бежим этого ошеломительного знания, лишь потому, что оно нас именно ошеломляет своей какой-то лёгкостью и нетайной, своей очевидной простотой. Простота, действительно, хуже воровства, ибо крадёт порой у нас ясность сути, истинность происходящего. Простота кажется тривиальностью и тем отпугивает почти всех, кто с ней сталкивается.

Но я старался говорить в этих заметках именно просто. Нет, я не говорю о той простоте, что примитивна, я говорю о простоте гениальной, той, что лежит в фундаменте мироздания. Совершенно не напрасно утверждение о Боге как о чём-то совершенно простом, ибо Бог неизменно и гениально прост. Так есть жизнь или любовь, так есть истина – всё это Бог, и во всём божественное присутствие именно по причине простоты и естественности этих явлений, но самое главное, по причине их неотменимости.

Мы часто пытаемся отменить то или иное событие, отменить правду, но всё тайное неизбежно пробивается сквозь нашу совесть, как жизнь пробивается сквозь самый крепкий камень. Вот и мой рассказ в этом ряду неизбежностей пробивает свою большую щёлочку к свету, и надеюсь, что ты, мой дорогой и неизвестный мне читатель, увидишь эту слабую попытку, а может, и поймёшь её слабость. Не будь ко мне и описанным мной событиям суров, по крайней мере, прошу тебя быть снисходительным ко всем нам прошлым.

Говорить в неизвестность очень непросто, но ещё сложнее ждать и чувствовать неизвестность конца своей истории. Мне так хочется говорить и говорить, тем самым продлив свою жизнь и жизни тех, о ком я рассказываю, но печальная правда разве может покрыть всё то зло, все те горести и удачи, что мы пережили? Бог весть.

Если ты, мой читатель, открыл эти заметки лет через сотню, то, значит, есть ещё способность у людей читать и сопереживать, мне даже хочется верить, что эта способность окрепла в вашем, будущем – для меня, времени. Сейчас мне кажутся интересными вещи, которые, возможно, в будущем уже никого не интересуют, но мне, мне это так интересно сейчас.

Сейчас, когда графа Льва Толстого большевики прославили в партийном лике

«зеркала мировой революции», а задавший тон прославлению Ульянов-Ленин сам стал причислен к лику «вождя мирового пролетариата», то даже и непонятно, что произойдёт с этим почитанием лет через сто-двести — мне было бы интересно это узнать. Разумеется, что такое знание я уже не получу, но там, в вашем будущем, хотя бы станет известно о том, что некоторых из нас интересовало, интересовало без всякой видимой причины. Хотя я даже и не знаю, что мы чаяли прозреть в будущих эпохах?

Да, скорее всего, такой мой нелепый интерес является только атавизмом священства, духовным артефактом, и здесь тоже прошу снисхождения, потому что больше ничего попросить нельзя в моём случае. Печаль и надежда остались единственными двигателями моего пера, да и жизни моей тоже, если уж быть совсем откровенным.

Пробиваться сквозь твёрдый камень времени к свету иного сознания — разве нужны ещё какие-то основания для жизни моей, моих современников, да и твоей, мой неизвестный читатель?

Вот мы с тобой и дошли до финала, и, как я и обещал в самом начале, теперь ты знаешь почти всё, и я больше не являюсь тем, кто мучает другого человека неизвестностью. Друг мой, сохрани нас, и пусть наша надежда не станет напрасной, ибо свет во тьме светит и тьма не объяла его.

И последнее, о простоте и Боге. Бог прост, как стекло в оконной раме, через которую глядел Павел Платонович Зеленцов и слышал музыку. Именно так, ни больше и ни меньше. На стекле в морозный день появляются узоры застывшего пара. Узоры бывают невероятно сложны и даже замысловаты, но достаточно свету пронзить это узорчатое великолепие, и оно тает, от него не остаётся и следа. Только стекло остаётся неизменно и просто, только оно остаётся доступно для света таким же, каким было. Такое сравнение обладает многими погрешностями, но, думаю, смысл понятен.

Мы, конечно, выдыхаем свои узоры на этом стекле, но общим для всех нас остаётся не замысловатость сюжета, а способность дышать. Дыши, мой друг, дыши, ибо это единственное, что позволяет нам всем прикоснуться к божественному стеклу...

И хотя говорят, что жизнь всегда намного запутанней и невероятнее в своих сюжетах, чем любая придуманная в книгах история, но о том, что Зеленцов Павел Платонович был пасынком протопопа Гавриила Антоновича Аносова, никто из участников изложенных событий так и не узнал. Кроме тебя, мой неизвестный читатель.